РАЗСКАЗЫ ИЗЪ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

I.

Какъ жили прежніе богатые помѣщики?

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ въ Москвѣ отставной Премьеръ-Маіоръ Екатерининскихъ временъ, Петръ Александровичъ Собакинъ, 75-тилѣтній старикъ, владѣлецъ 12-ти т. душъ крестьянъ въ Нижегородской и частію Орловской Губерніяхъ, старинный столбовой Дворянинъ, родословная котораго начиналась со временъ Ивана IV. * Онъ былъ въ родствѣ, по первой супругѣ своей, Княжнѣ Голицыной, съ Князьями этой фамиліи, а по своему родословію, съ Князьями Шаховскими, Сибирскими, Хилковыми и Кропоткиными, съ тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлевымъ, съ Дворянами: Соковнинымн, Барноволоковыми и Мещериновыми, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойными Князьями: Юсуповымъ и Кольцовымъ-Масальскимъ, также съ богатымъ Саратовскимъ помѣщикомъ Лихачовымъ; имѣлъ характеръ сильный, твердый, неуступчивый и гордый, съ привычками и обычаями временъ Императрицы Екатерины II; одѣвался въ костюмы ея временъ: Французскіе кафтаны, камзолы, штаны и шелковые чулки; обувался въ башмаки съ дорогими пряжками, пудрился и носилъ косу на затылкѣ. У него былъ домъ на Кузнецкомъ мосту (что нынѣ Торлецкаго); тогда тутъ былъ господскій трехъ-этажный домъ съ двумя одноэтажными флигелями и съ огромнымъ пустыремъ, обнесеннымъ каменнымъ заборомъ, выходившимъ на двѣ улицы, Рождественку и Софійку. Два этажа этого дома, средній и верхній, были великолѣпно убраны, особенно средній или, такъ называемый, бель-этажъ,

* Это подтверждается Исторіею Карамзина, изъ которой извѣстно, что супруга Царя Ивана Васильевича Грознаго, Царица Марѳа Васильевна Собакина, скончалась въ Александровской Слободѣ и погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

въ комнатахъ котораго были камины разныхъ родовъ мрамора, и на нихъ и на стѣнахъ помѣщались богатые разныхъ видовъ стѣнные и столовые, бронзовые и иные, дорогіе часы; множество дорогихъ мраморныхъ статуй и бюстовъ, старинная золоченая мебель, поверхности которой: шкафы, комоды и столы, во вкусѣ того времени, украшались отличными разноцвѣтными мраморными досками; картинъ хотя было немного, но онѣ были отличныхъ Итальянскихъ художниковъ, а окна были драпированы богатыми разноцвѣтными шелковыми занавѣсами, величиною своею доходившими до полу. Но лучшее и богатѣйшее украшеніе противъ всего этого былъ фамильный образъ Спаса Нерукотвореннаго, въ поларшина вышины и полторы четверти ширины, отличной иконописи на доскѣ, украшенный брильянтами и разными драгоцѣнными камнями, помѣщавшійся въ литомъ изъ серебра кіотѣ, вышиною въ два аршина и шириною въ аршинъ, изображавшемъ золотое вокругъ его сіяніе и поддерживаемый многими ангелами, который цѣнили, даже по тогдашнему времени, болѣе нежели во сто тысячъ рублей ассигнаціями. Въ кладовой хранилось, въ трехъ огромныхъ сундукахъ, нѣсколько десятковъ пудовъ фамильнаго столоваго и чайнаго серебра. У него былъ великолѣпный оркестръ музыки, которымъ славился онъ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, имѣлъ отличный хоръ пѣвчихъ, была огромная дворня и было прекрасное подмосковное селеніе, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ столицы, съ отличнымъ Англійскимъ садомъ, хорошими оранжереями, каменною церковію и колокольнею, совершенно похожими по архитектурѣ на Каменноостровскую въ С. Петербургѣ, и съ множествомъ въ саду и рощѣ изящной архитектуры зданій, храмовъ и храмиковъ въ честь миѳологическихъ боговъ, бесѣдокъ, кіосковъ и гротовъ, называемое «Тишково», а въ упомянутыхъ имѣніяхъ своихъ, въ трехъ селахъ: Воскресенскомъ, Богородскимъ и Владимирскомъ, и по преимуществу въ первомъ, самъ Собакинъ жилъ истинно барски. Такъ, въ праздники: Св. Пасхи, Троицы и въ день своихъ именинъ—Петра и Павла, на канунѣ вечеромъ, предъ всенощною, иллюминовалъ онъ двѣ огромныя тамъ деревянныя церкви плошками съ низу до верху, такъ что весь фасадъ ихъ былъ буквально въ огнѣ, на верху же, противъ главъ, устанавливались двѣ огромныя, досчатыя, выкрашенныя подъ малиновый бархатъ, короны, съ изображеніемъ въ срединѣ ихъ вензелевыхъ его имени и фамиліи буквъ и иллюминованныхъ ослѣпительнымъ огнемъ; въ Троицынъ же день эти

церкви, образа и стѣны въ нихъ убирались съ низу до верху гирляндами и вѣнками изъ цвѣтовъ и множествомъ деревьевъ разныхъ названій, разставленныхъ внутри ихъ, весь полъ былъ изобильно усыпанъ цвѣтами; а передъ начатіемъ благовѣста ко всенощной и заутрени въ эти праздники происходила пальба изъ пушекъ, и дѣлано было 101 выстрѣлъ, и, тогда только ударяли въ колоколъ, и крестьяне какъ перваго села, такъ и двухъ другихъ, а равно изъ ближайшихъ деревень обоего пола, были собраны и находились уже въ этихъ двухъ церквахъ. Божественная служба была торжественная: ее совершали соборнѣ Протопопъ и три Священника, при двухъ Дьяконахъ; пѣвчіе пѣли великолѣпно, исполняя произведенія Бортнянскаго и другихъ лучшихъ композиторовъ, а самъ Собакинъ любилъ пѣвать на одномъ крылосѣ съ Дьячками. На утро, послѣ совершенія литургіи, опять то же число выстрѣловъ изъ пушекъ, и также за обѣдомъ, во время котораго пѣвчіе пѣли разные концерты, при окончаніи коего, по пропѣтіи ему многолѣтія, опять тѣ же выстрѣлы, равно въ Крещенье и въ Спасъ-Нерукотворенный, въ которые строилась въ селѣ Воскресенскомъ, на рѣкѣ Вятлухѣ, красивая Іордань, гдѣ происходило торжественное водоосвященіе, на коемъ онъ самъ присутствовалъ.

Во всѣ названные праздники онъ принималъ, предъ обѣдомъ, молодыхъ сыновей Священниковъ и Дьяконовъ, прибывшихъ къ своимъ отцамъ изъ Семинаріи, подносившихъ ему рацѣи или поздравительныя рѣчи, которыя они произносили ему, за что награждалъ ихъ деньгами; а по выходѣ изъ за обѣденнаго стола вступалъ на обширнѣйшій дворъ, на которомъ и окрестъ его собраны были всѣ крестьяне, въ числѣ болѣе нежели 11 т. душъ одного только мужескаго пола, а потомъ женщинъ и дѣвокъ, включительно Нижегородской Губерніи, Семеновскаго Уѣзда, но не было лишь, по отдаленности, нѣсколькихъ сотенъ Орловской Губерніи, при чемъ каждое лицо подходило къ нему, окруженному Бурмистрами трехъ названныхъ селъ, Сотскими, Десятскими и Окладчиками, и цѣловало у него руку, а отойдя получали мужчины крупичатую сайку, 10 к. мѣдью и были угощаемы изъ огромныхъ чановъ водкою и пивомъ, а равно и женщины дѣлали тоже, которымъ, вмѣсто сайки, давалось каждой по красному бумажному платку; тѣже деньги и угощенье медомъ, и таковыя угощенье и пріемы, по многочисленности личностей, въ первые

сказанные выше три праздника, сопровождались цѣлую недѣлю; въ случаѣ же ненастной погоды въ эти праздники онъ принималъ и угощалъ ихъ въ особомъ, построенномъ на этомъ же дворѣ, домѣ, въ коемъ было всего только двѣ комнаты, похожія болѣе по величинѣ своей на манежъ. Съ нѣкоторыми изъ мужчинъ онъ милостиво разговаривалъ. Въ этихъ же обоихъ мѣстахъ раздачи милостей происходили иногда палками, или розгами, если онъ замѣчалъ крестьянина, или крестьянку, неряху, или въ какомъ ни будь безобразномъ видѣ; вообще Собакинъ былъ къ нимъ строгъ, но оброкъ бралъ съ нихъ незначительный, всего только пять рубл. ассигнац. съ тягла, кромѣ подушныхъ. Многіе крестьяне были богатые: такъ нѣкто Лещовъ, который имѣлъ въ наличности 100 т. рубл. ассигнац., что, по тогдашнему времени, былъ значительный капиталъ. Они производили исключительно торговлю: хлѣбомъ въ зернѣ, рогожами, лубьями и лыкомъ. Ремеслъ у нихъ не было замѣтно, кромѣ токарнаго, которое производили они въ совершенствѣ: такъ, дѣлали изъ березоваго дерева двѣ дюжины чашекъ, постепенно укладывавшихся одна съ другою до послѣдней, и эти двѣ были столь малы, что въ діаметрѣ имѣли менѣе вершка, всѣ покрытые лакомъ, а обративъ первыя двѣ самыя большія днами вверхъ, вмѣстѣ съ остальными двадцатью двумя, они запирались и можно было безпрепятственно всѣ ихъ нести, или везти, куда угодно.

Порядокъ въ управленіи имѣніями заведенъ былъ у него отличный. Такъ главные правители были: три Бурмистра трехъ селъ, нѣсколько Старостъ, Сотскихъ и Десятскихъ и болѣе двадцати пяти человѣкъ Окладчиковъ, которые собирали съ крестьянъ подушные и оброкъ помѣщику и съ торговцовъ деньги за пользованіе лавками и ларями въ базарные дни. И всѣ эти начальствующія личности имѣли каждая особого вида на груди кафтана жестяные значки, изображающіе ихъ должности, внутреннее же управленіе сосредоточивалось въ Приказѣ, помѣщавшемся въ большомъ домѣ, на одномъ дворѣ съ помѣщичьимъ, гдѣ присутствовали означенные три Бурмистра; во главѣ ихъ, въ видѣ предсѣдателя, дворовый Петръ Балахнинъ, * который былъ вмѣстѣ и до-

* Личность, замѣчательная тѣмъ, что, по тогдашнему времени, онъ былъ хорошій математикъ и отличный архитекторъ.

кладчикъ дѣлъ и обо всемъ, происходившемъ въ Приказѣ, помѣщику, велъ дѣла и занимался письмоводствомъ въ немъ, а писцами были два дворовыхъ человѣка. Здѣсь велись ревизскія сказки, окладныя книги, всѣ счеты и росписанія подушнымъ, оброчнымъ и вырученнымъ отъ найма лавокъ и прочаго на базарѣ деньгамъ, и дневное росписаніе крестьянъ, назначаемыхъ на денной и ночной караулы: кругомъ дома помѣщика, у церквей, въ селѣ и у двухъ съѣздовъ въ него. Иногда, но весьма, рѣдко заходилъ помѣщикъ въ Приказъ, для предсѣдательствованія.

Пріѣзжавшихъ къ нему по дѣламъ, касавшимся до его имѣній, Уѣздныхъ и Земскихъ властей, принималъ онъ съ важностію, выслушавъ ихъ объявленія, и удовлетворялъ самъ, не допуская касаться имъ сельскихъ властей и крестьянъ, но приказывалъ въ отводимыхъ имъ квартирахъ угощать роскошно, а предъ отъѣздомъ награждалъ ихъ деньгами.

Вообще до прибытія его въ свои имѣнія, были въ нихъ: совершенная дичь, грабежи, неповиновеніе и разбои. Онъ все это уничтожилъ, завелъ строгій, твердый порядокъ, украсилъ села, соорудилъ въ нихъ новые храмы и устроилъ базары, построивъ для этого на площадяхъ оныхъ лавки и лари, выстроилъ во всѣхъ названныхъ селахъ запасные хлѣбные магазины, наполнивъ ихъ изобильно.

А въ настоящее время, по печатнымъ отзывамъ одного журнала, въ этихъ имѣніяхъ нѣтъ уже тѣхъ стройности и порядка, и опустѣло: цивилизація не повліяла на крестьянъ: они огрубѣли, и тамъ нѣтъ никакой школы, между тѣмъ какъ въ обоихъ селахъ, Воскресенскомъ и Богородскомъ, съ прилежащими къ нимъ деревнями, получили вольность, еще до освобожденія 19 Февраля, 1861 года, и тамъ какъ-то пусто и скучно; единственное разнообразіе какая-то Фабрика, да и то одного Нѣмца.

Собакинъ, такъ хорошо живя въ почести и славѣ и разумно распоряжаясь всю жизнь своими дѣлами, подъ конецъ оной впалъ въ непростительную ошибку, которая и погубила его: онъ имѣлъ особенную страсть къ женскому полу. Увидѣвъ однажды въ маленькой Французской церкви трехъ особъ женскаго пола, изъ коихъ одна отличалась поразительно замѣчательною красотою, правильными чертами лица, высокимъ античнымъ и прекраснымъ станомъ, увлекся ею, и вскорѣ узналъ, что эти особы были Фа-

миліи умершаго Польскаго Графа Бѣлинскаго, состоящія изъ матери вдовы покойнаго и двухъ дочерей: старшей Юліи и младшей Викторіи, познакомился съ ними и изъ разговора ихъ открылъ, что онѣ недавно прибыли въ Москву и живутъ на Тверскомъ бульварѣ, у Римскаго-Корсакова, въ его домѣ, пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ, гдѣ онѣ разсказали ему, что болѣе десяти лѣтъ какъ лишились главы ихъ семейства, Графа Станислава Бѣлинскаго, бывшаго Хранителя Государственной Печати Царства Польскаго, который перешелъ на сторону Россіи, за что и былъ вознагражденъ хорошимъ пенсіономъ въ нѣсколько тысячъ рубл. ассигнаціями и что онъ, какъ отвергнутый Польшею и ненавидимый Поляками, велъ долгое время съ семействомъ своимъ кочевую жизнь въ Губерніяхъ: Витебской, Минской и Могилевской, а по смерти его, мать этихъ двухъ дочерей и сына Станислава, какъ супруга покойнаго, получаетъ половину оклада его пенсіона, что она, познакомившись въ послѣдней Губерніи съ Римскимъ-Корсаковымъ, прибыла съ дочерьми въ Москву къ нему, пособіемъ котораго и живетъ.

Собакинъ, сообразивъ все это и небогатое положеніе ихъ, хотѣлъ вовлечь Юлію не болѣе, какъ только въ короткія отношенія, но она, подмѣтивъ его чрезмѣрную страсть, отвѣчала ему, что если онъ хочетъ обладать ею, пусть женится на ней, и съ умѣла, какъ истая Полька, завлечь его въ свои сѣти, а онъ, какъ окончательно влюбленный, не смотря на свои 75-ть лѣтъ и семейство свое, состоящее изъ совершеннолѣтнихъ сыновей, служившихъ въ лучшихъ мѣстахъ въ Петербургѣ, изъ коихъ одинъ былъ женатъ на Француженкѣ, Графинѣ Полиньякъ, и двухъ дочерей: старшей за мужемъ за Генералъ-Маіоромъ Бѣлоградскимъ, жившей, по службѣ его, въ главной квартирѣ 1-й Арміи, находившейся тогда въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, и младшей, Фрейлинѣ при Дворѣ въ Петербургѣ, сталъ усердно хлопотать жениться на ней и просилъ на то разрѣшенія тогдашняго достопамятнаго Митрополита Московскаго, который, коротко его зная и семейное его положеніе, и бывъ письменно предувѣдомленъ тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлевымъ, котораго просили сыновья и дочери Сабакина, о воспрещеніи этого брака, положительно воспротивился совершенію онаго, и предписалъ по всей Московской Епархіи не вѣнчать его.

Но, не смотря на такое строгое воспрещеніе, онъ женился

на Юліи, обвѣнчавшись Гроднепской Губерніи, въ недальнемъ разстояніи отъ г. Бѣлостока, въ уединенной, бѣдной деревенской церкви, и бракосочетаніе происходило ночью, въ противность духовныхъ правилъ и постановленій, воспрещающихъ совершать это священное таинство: во Вторникъ подъ Среду, въ Четверкъ подъ Пятницу, и въ Субботу подъ Воскресенье, а онъ былъ обвѣнчанъ въ одинъ изъ этихъ дней, и свидѣтели, какъ по немъ, такъ и по ней, были подкупные и на его же деньги, всѣ подставленные матерью Юліи, военные Инженеры, Штабъ и Оберъ-Офицеры, перестраивавшіе тамошній дворецъ, между коими главную роль игралъ у ней Полковникъ, Полякъ Малиновскій, съ которымъ, по словамъ знавшихъ короче вдову, Графиню Бѣлинскую, она была въ крайне короткихъ отношеніяхъ, и ему-то непосредственно эта фамилія обязана успѣхомъ бракосочетанія Юліи съ Собакинымъ и своимъ счастіемъ.

Собакинъ, возвратясь съ молодою женою въ Москву, жилъ не болѣе года, такъ какъ онъ, вмѣсто признательности со стороны ея за его благодѣяніе, испытывалъ почти ежедневно отъ ней чрезвычайную холодность и безпрестанныя обиды; послѣднія дѣлались еще ему, пріѣхавшимъ на жительство къ нему, братомъ ея, отставнымъ Штабъ-Ротмистромъ Графомъ Станиславомъ Бѣлинскимъ. И тогда-то, понявъ всю важность своей ошибки и уничтоженія древней своей фамиліи, сталъ тосковать и чрезъ недолгое время заболѣлъ, получивъ чахотку, въ соединеніи съ сухоткою, пролежалъ на одрѣ болѣзни почти полгода и умеръ въ страшныхъ мукахъ и страданіяхъ.

А Юлія, такъ сказать, взлелѣянная своимъ успѣхомъ и счастіемъ, не удовлетворилась ими, пошла далѣе и сдѣлала еще лучшую и важнѣйшую партію.

Получивъ, по смерти Собакина, по раздѣлу его имѣнія между сыновьями и дочерьми его, на свою часть болѣе 1500 душъ и выше сказанный домъ его въ Москвѣ, и такимъ способомъ сдѣлавшись въ весьма короткое время, изъ бѣдной дѣвицы, Польской Графини, достаточною столбовою Русскою Дворянкою, она, по происхожденію своему и характеру, жаждѣ къ богатству и честолюбію, не удовлетворялась этимъ, а искала еще большаго счастія. И въ1822, или 1823, году плѣнила собою одного молодого красиваго Графа, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Офицера, который, не смотря на строгое запрещеніе своей матери, женился на ней.

Этотъ шагъ въ ея жизни тѣмъ болѣе важенъ и замѣчателенъ, что она возвращала чрезъ него прежнее Графское достоинство свое и дѣлалась большою богачихою, такъ какъ этотъ Графъ былъ владѣлецъ 12-ти тысячъ душъ крестьянъ.

Вотъ какъ она его обворожила. Бывъ охотницею до верховой ѣзды, и выѣзжая нерѣдко въ Москвѣ на гулянья въ нарядѣ Амазонки, однажды встрѣтила на одномъ изъ нихъ этого Графа, не задолго пріѣхавшаго предъ этимъ изъ Шегербуга въ отпускъ. Съѣхавшись вмѣстѣ, заинтересовала его собою, бесѣдуя съ нимъ; а потомъ повела нападеніе на него еще иначе: узнавъ, чрезъ сказаннаго своего брата, что этотъ Графъ весьма часто посѣщаетъ одного бѣднаго, раненаго Офицера и матеріяльно ему помогаетъ, развѣдала, въ какіе именно дни и часы пріѣзжаетъ онъ къ нему, и сама она стала въ то же время посѣщать этого Офицера, и также оказывать ему вспомоществованіе. Отъ этой встрѣчи ихъ у кровати больнаго, нечувствительно болѣе и болѣе завязывалось и утверждалось ихъ знакомство, Графъ, ни мало не подозрѣвая ея козней, счелъ ее за отлично-рѣдкую филантропку, будучи самъ весьма мягкаго и чувствительнаго сердца; при частыхъ же разговорахъ съ нею окончательно влюбился въ нее и далъ ей слово жениться на ней. Но его мать, вдова Графиня, узнавъ, чрезъ приближенныхъ своихъ, объ этомъ знакомствѣ его съ Юліей и, слышавъ всю исторію ея съ несчастнымъ покойнымъ Собакинымъ, и о намѣреніи сына жениться на ней, воспротивилась этому, рѣшительно воспретивъ ему вѣнчаться съ нею, постоянно сторожила ихъ, чтобы они какъ ни будь не обвѣнчались, но, не смотря на всѣ хитрости и бдительность ея, они перехитрили ее: молодой Графъ, въ одинъ день, распустивъ въ Москвѣ молву, что онъ ѣдетъ въ парадной каретѣ жениться на Собакиной, собралъ множество гостей и избралъ по ней и по себѣ дружка и дружку, изготовивъ торжественный огромный свадебный поѣздъ, но, вмѣсто того, чтобы сѣсть самому съ невѣстою въ ту карету, насажалъ въ нее полную охотничьихъ своихъ собакъ и, опустивъ въ ней со всѣхъ сторонъ занавѣси, велѣлъ везти ее по Москвѣ и слѣдовать за нею, какъ водится, всей свадебной процессіи, между тѣмъ въ то же время, нанявъ простую ямскую карету, самъ съ Юліей сѣлъ въ нее, отправился за городъ и обвѣнчался гдѣ-то въ окрестностяхъ Москвы, а его мать, услыхавъ распущенную имъ фальшивую молву объ его поѣздкѣ вѣнчаться, и подъ-

ѣхавъ къ парадной его каретѣ, остановила ее, кинулась къ дверямъ оной и, отворивъ ихъ, къ великому ея и другихъ смѣху, нашла въ ней множество собакъ, которыя, само собою разумѣется, привѣтствовали ее громкимъ лаемъ. Зная своего сына съ дѣтства за большаго проказника, она повѣрила этой хитрости его и сочла это за выходку, ни мало не заподозривъ, что это былъ чистый обманъ, которой оставила безъ преслѣдованія и возвратилась, спокойная и довольная своимъ дѣломъ, домой; а онъ, по обвѣнчаніи съ Юліей, вскорѣ пріѣхалъ къ ней съ молодою женой и испросилъ у нея прощеніе.

Послѣ женитьбы Графъ недолго служилъ въ гусарскомъ полку, вышелъ въ отставку и вскорѣ уѣхалъ съ Юліей за границу и, путешествовавъ по Европѣ около 7-ми, или 8-ми, лѣтъ, кончилъ тамъ жизнь несчастливо, поссорившись съ кѣмъ-то изъ ревности къ ней, слѣдствіемъ чего была между ними дуэль, на которой онъ былъ убитъ, а она вскорѣ послѣ этого возвратилась счастливою Русскою Графинею въ Россію. У нея много было отъ него дѣтей, большею частію мужескаго пола.

II.

Замѣчательная просьба.

Въ 1811 году отставной артиллеріи Штабсъ-Капитанъ поднесъ Государю Александру I всеподданнѣйшую просьбу о прощеніи и освобожденіи отъ каторжной работы отца его, бывшаго Томской Губерніи Кузнецкаго Капитанъ-Исправника, осужденнаго за лихоимство, лишеннаго за это всѣхъ правъ состоянія и сосланнаго въ рудники въ городъ Нерчинскъ. Вотъ содержаніе этой просьбы:

«Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Исполнивъ долгъ мой служеніемъ въ арміи Вашего Императорскаго Величества, пройдя опасности сраженій, проливъ кровь свою отъ сквозной раны картечью въ ногу, получивъ, при увольненіи отъ службы: чинъ, мундиръ и полный пенсіонъ, мнѣ оставалось бы наслаждаться милостями Вашими, Государь, за службу ранеными Офицерами при отставкѣ получаемыми, сдѣлать со-

участниками этого послѣдняго чувства престарѣлаго отца, многолюднаго и малолѣтнаго моего семейства, къ коему я поспѣшилъ пріѣздомъ моимъ въ Сибирь, въ Томскую Губернію. По прибытіи моемъ туда постигло меня несчастіе, превосходящее всѣ мученія и всѣ раны. Вотъ краткая исторія онаго: въ то время, какъ я и старшіе два брата мои раздѣляли славу оружія Вашего Императорскаго Величества, съ храбрыми войсками Вашими, не щадя жизни, отецъ мой впалъ въ преступленіе, былъ судимъ и въ 1809 году приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ отсылкѣ на каторжную работу.

Онъ былъ Кузнецкій Капитанъ-Исправникъ, опредѣленъ въ сію должность послѣ воинской службы, съ переименованіемъ въ Титулярные Совѣтники. Преступленіе его было—лихоимство.

Возбужденный сыновнею любовью, я готовъ былъ жертвовать всѣмъ, что только могъ предпринять къ облегченію участи отца моего, презрѣлъ рану, безпрестанно меня утомляющую, не устрашился разстоянія, которымъ Нерчинскъ удаленъ отъ Сибири, я поспѣшилъ изъ Томска отца моего, и наконецъ имѣлъ горесть увидѣть этого 67-милѣтняго старика, отягченнаго ужаснымъ бѣдствіемъ, раздѣлилъ съ нимъ горесть и раскаяніе, но не могъ, въ утѣшеніе его, ничего болѣе сдѣлать, какъ оставить надежду на великодушіе и милость нашего Монарха. Надежда сія привлекла меня въ столицу. Государь! онъ преступникъ, но онъ мой отецъ! Не дерзаю оправдывать его. Законы правды наказуютъ преступниковъ, но Твое милосердіе, Монархъ, превышаетъ ихъ строгости. По уваженію къ законамъ, я не смѣю просить совершеннаго прощенія отцу моему, но лишь только облегченія его участи. Употребите сіе Божеское право, принадлежащее Вамъ по сердцу и по величію! Дайте помереть ему, освобожденному отъ оковъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже, томясь два года, какъ испытуетъ тягости наказанія. Молю о семъ именемъ братьевъ, готовыхъ загладить кровію преступленіе отца ихъ. Умоляю Тебя, Государь, дозволить мнѣ, по день его смерти, занять его мѣсто въ тѣхъ пропастяхъ, гдѣ онъ оканчиваетъ бѣдственные, горестнѣйшіе, ужасные дни свои! Увѣренъ будучи, что молодыя лѣта мои могутъ быть полезными болѣе, нежели 67-милѣтній старикъ, дозволь, по долгу сына, принести въ жертву, за свободу отца, мой чинъ, мой орденъ, мой пенсіонъ и мою вольность! Дай от-

раду горестному, и новый слуга Твой, вѣрноподданный, будетъ прославлять опытъ безконечнаго Твоего милосердія!

Вашего Императорскаго Величества,

Всемилостивѣйшаго Государя,

нижайшій вѣрноподданный,

Отставной артиллеріи Штабсъ-Капитанъ Годлевскій.»

Резолюція Императора:

«Простить и избавить отъ каторжной работы, но не возвращая ни чиновъ, ни дворянства.»

III.

Дѣло о богатомъ помѣщикѣ Курской Губерніи, Ѳедорѣ Ширковѣ.

Въ 1820, или 1821, годахъ производилось въ Санктъ-Петербургскомъ Правительствующемъ Сенатѣ дѣло о страшномъ, кровавомъ событіи, ужасный дѣятель коего долго, до окончанія изслѣдованія и рѣшенія надъ нимъ, содержался въ Петропавловской крѣпости, откуда его водили въ Сенатъ разъ въ недѣлю для допроса. Дѣло объ немъ производилось по Высочайшему повелѣнію. Вотъ его исторія:

Курской Губерніи, Льговскаго Уѣзда, богатый, семейный помѣщикъ, имѣвшій до тысячи душъ крестьянъ, Губернскій Секретарь Ѳедоръ Ширковъ, отличавшійся необыкновенною жестокостію въ обращеніи съ своими подданными, и надобно, чтобъ такъ случилось, что на его границѣ, такъ сказать, его мѣстопребыванія, жила, на небольшомъ участкѣ собственной земли, не задолго предъ 1796 годомъ овдовѣвшая, бѣдная Дворянка Марья Алтухова, принесла на свѣтъ дочь, къ своему и рожденной великому несчастію, и пригласила Ширкова, по богатству его, быть воспріемникомъ этой дочери, который и исполнилъ это священное таинство. Новорожденную наименовали Ольгою. Ширковъ былъ пѣстуномъ духовной своей дочери, для чего и для утѣшенія своихъ дѣтей,

бралъ еженедѣльно отъ матери ея, присылая за нею линѣйку съ кучеромъ и лакеемъ.

Такъ тянулось время до совершеннолѣтія Ольги Алтуховой, къ ея несчастію созданной на свѣтъ замѣчательной красавицей, когда Ширковъ, возымѣвъ къ ней страсть, лишилъ ее дѣвства и сдѣлалъ своею наложницею, что продолжалось много лѣтъ. Между тѣмъ супруга его, узнавъ о томъ, чрезвычайно роптала и заявляла объ этой беззаконной и оскорбляющей супружескую связь страсти своимъ родителямъ и роднымъ, и Ширковъ поклялся предъ ними оставить эту позорную страсть, но не сдержалъ своей клятвы, продолжая любовную связь съ павшей Ольгой.

Но надо, на бѣду ея, чтобъ проходившій, для перемѣны своего квартированія, гусарскій полкъ случайно остановился на нѣкоторое время въ этомъ его селеніи, а одинъ изъ Офицеровъ полка, увидѣвъ ее, влюбился, и послѣ нѣсколькихъ свиданій съ нею, объявилъ ей рѣшительное намѣреніе жениться на ней. Бѣдная Ольга, обрадованная этимъ неожиданнымъ для нея счастіемъ, въ первое же посѣщеніе своего крестнаго отца, разсказала ему объ этомъ счастливомъ переходѣ ея изъ настоящаго своего положенія и, чтобъ прикрыть свой проступокъ, какъ невинно потерявшая чрезъ него, самое драгоцѣнное, составляющее лучшее украшеніе и богатство для дѣвицы, непорочность, а съ тѣмъ вмѣстѣ, желая показать себя предъ женихомъ не совсѣмъ бѣдной, обратилась къ нему, убѣждая его загладить общій ихъ грѣхъ, пожертвовавъ ей нѣсколько душъ крестьянъ, на что Ширковъ тогда и согласился. Ольга, удовлетворенная, успокоенная и утѣшенная такимъ обѣщаніемъ его, отправилась съ полною, радужною, сладкою надеждою домой и, свидясь съ женихомъ, объявила ему, что она имѣетъ небольшое имѣніе.

Не прошло и нѣсколько дней, какъ Ширковъ послалъ за ней линѣйку, какъ и всегда, съ кучеромъ и лакеемъ, по усвоенной своей привычкѣ и какъ бы по праву своей любовницы. Ольга, явившись, въ короткомъ своемъ обращеніи съ нимъ, напомнила ему объ его обѣщаніи, но Ширковъ (какъ это объяснить, былъ ли тогда не въ духѣ, или раздумалъ о своемъ обѣщаніи?) отвѣтилъ ей, что вовсе не желаетъ исполнить его. Озадаченная и обиженная такимъ отвѣтомъ, эта бѣдная дѣвушка, какъ бы по праву concubinae и крестной дочери, требовала, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, исполненія отъ него обѣщанія; но Ширковъ, разсвирѣ-

пѣвъ, сталъ ругать ее неприличными словами и бросилъ въ нее, лежавшее на письменномъ его столѣ, тяжелое мраморное пресъпапье, отъ удара коего она уклонилась и продолжала съ большею силою обременять его упреками за нарушеніе обѣщанія, въ особенности же за все сдѣланное имъ ей важное зло, а Ширковъ, потерявъ окончательно всякое сознаніе и, схвативъ, висѣвшій надъ его постелею, кинжалъ, обнажилъ его и бросился за несчастною. Ольга, зная дикій, необузданный и жестокій его характеръ и, желая спасти себя отъ неминуемой гибели, въ безпамятствѣ кинулась на половину его супруги, крича и прося ея защиты, но та, ненавидя ее, съ негодованіемъ вытолкала вонъ изъ своихъ комнатъ, и на порогѣ послѣдней изъ нихъ, Ширковъ, встрѣтя ее, отрубилъ ей уши и носъ, и когда она упала, залившись вся кровью, перерѣзалъ ей ротъ и животъ. Несчастная умерла въ страшныхъ мученіяхъ и страданіяхъ, а онъ, взявъ ея трупъ и, призвавъ привезшихъ ее людей, велѣлъ имъ отвезти его въ отъѣзжее поле, и тамъ бросить, при чемъ далъ имъ хорошее вознагражденіе, а тѣ, ослѣпленные этимъ, и какъ крѣпостные его, исполнили приказаніе его.

Но Ширковъ, чтобъ удачнѣе скрыть и вполнѣ отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе въ этомъ ужасномъ преступленіи, въ тотъ же день, расчитавъ, отпустилъ находившагося у него въ услуженіи по найму камердинера, Венгерца, съ уговоромъ, чтобы онъ немедленно уѣхалъ за границу, что тотъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ.

Чрезъ нѣсколько сутокъ Земская полиція наѣхала на брошенное тѣло несчастной Ольги Алтуховой, безъ всякой дальней мысли и подозрѣнія кого либо въ этомъ убійствѣ, а зная по слухамъ о преступной связи Ширкова съ нею, привязалась прямо къ нему, но онъ оправдывался, слагая вину на внезапно скрывшагося и пропавшаго безъ вѣсти сказаннаго камердинера своего, и тѣмъ маскировалъ дѣло.

По обыкновенію, дѣло началось въ низшей судебной инстанціи, перешло въ высшую и такъ далѣе, а Ширковъ, съ помощію денегъ и хорошаго адвоката, находилъ вездѣ оправданіе себѣ, успѣвъ въ томъ и въ Губерніи, въ Уголовной палатѣ, гдѣ всѣ члены, кромѣ одного, оправдали его, основываясь на скрывшемся камердинерѣ Вингерцѣ и на повинившихся въ участіи убійства съ нимъ Ольги, кучерѣ и лакеѣ, подкупленныхъ Ширковымъ зи

10 тысячъ рублей ассигнаціями, которые, во всякомъ случаѣ, виноваты и подлежали наказанію уже по тому, что согласились отвезть и бросить трупъ, и скрыть такимъ способомъ преступленіе своего господина, не давъ знать о томъ кому слѣдовало. Получивъ наказаніе кнутомъ, они сосланы въ Сибирь; но достойно замѣчанія, что когда имъ объявлялся приговоръ объ этомъ, они отреклись отъ принятія на себя убійства Ольги, сказавъ, что согласились на то, бывъ подкуплены Ширковымъ, который, кромѣ того, обѣщалъ имъ оправдать ихъ предъ судомъ; но законъ руководствуется первымъ показаніемъ, пріемля его за истинное, отвергая другія, которыя могутъ давать преступники по своему произволу.

А несчастная мать Ольги, Марья Алтухова, напрасно подавала просьбы и хлопотала объ открытіи и наказаніи виновника смерти ея дочери; голосъ ея былъ безсиленъ, какъ крикъ чайки на океанѣ, вездѣ получала одни лишь отказы, и она обезнадеженная, убитая несчастіями, утомленная этимъ дѣломъ и доведенная до крайней нищеты, оставила его наконецъ на произволъ судьбы.

Выше замѣчено, что одинъ изъ Членовъ Курской Уголовной Палаты былъ противъ оправданія Ширкова, и когда дѣло перешло на утвержденіе Гражданскаго Губернатора, Нелидова, послѣдній возсталъ противъ общаго мнѣнія Палаты и присоединился съ своимъ мнѣніемъ къ таковому жь того Члена, въ слѣдствіе чего, по разногласію, дѣло поступило въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ также большее число Сенаторовъ оправдывало Ширкова, а меньшее обвиняло его, а по этому перешло въ Общее Собраніе, но и тамъ послѣдовало разногласіе, откуда уже поступило, на окончательное рѣшеніе и утвержденіе, въ Государственный Совѣтъ, гдѣ, въ продолженіе разсматриванія его, въ слѣдствіе молвы, сильно и громко говорившей о виновности Ширкова, Императору Александру I-му благоугодно было поручить обслѣдовать изъ подъ рука это дѣло, на мѣстѣ происшествія, испытанному въ вѣрности и непоколебимости, извѣстному славному и знаменитому ветерану 1812 и 1814 годовъ, С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, Графу Милорадовичу, который довѣрилъ произвести изслѣдованіе тоже извѣданному въ честности и добросовѣстности, Директору своей Канцеляріи, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Гетунгу, и этотъ послѣдній, прибывъ на мѣсто событія и произведя слѣдствіе, несомнѣнно узналъ истину,

но, какъ видно изъ дѣйствій его, былъ купленъ Ширковымъ, пріобрѣвъ отъ него, въ видѣ покупки, сто душъ крестьянъ, и по тому хотя не оправдалъ, но и не обвинялъ его, оставивъ только въ подозрѣніи, а въ послѣдствіи времени, когда онъ оправдался по Суду, доставилъ еще ему мѣсто въ Петербургѣ Слѣдственнаго Пристава, рѣдкое по тогдашнему времени, такъ какъ ихъ было тогда два, или три, и Ширковъ, прослужа нѣсколько лѣтъ на этой должности, поправилъ свои финансовыя дѣла, выкупивъ изъ залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 200 тысячъ рублей ассигнаціями имѣніе, употребленныхъ для оправданія своего въ убійствѣ Ольги Алтуховой.

Возвращаясь къ дѣлу объ немъ, разсматриваемому въ Государственномъ Совѣтѣ, Ширковъ умѣлъ чрезъ своего адвоката и съ помощію большихъ денегъ, найти и тамъ себѣ защиту и оправданіе, которое и было поднесено на утвержденіе Императора Александра I, и онъ утвердить его соизволилъ.

Послѣ этого Ширковъ восторжествовалъ и, по возвращеніи своемъ въ имѣніе, чрезвычайно зазнался предъ равными себѣ помѣщиками, такъ что они стали опасаться его, имѣя въ глазахъ чрезвычайный примѣръ оправданія его въ ужасномъ убійствѣ Ольги Алтуховой. Но здѣсь готовилось для него паденіе, причиною котораго, однако, было маловажное обстоятельство:

Ширковъ имѣлъ Адвоката, который велъ съ начала и до конца его дѣло, и къ удивленію такъ счастливо кончилъ оное въ его пользу. Ему-то онъ, чтобъ болѣе расположить къ себѣ, въ началѣ дѣла подарилъ двухъ крѣпостныхъ своихъ мальчиковъ, но по скорости времени и заботамъ по своему дѣлу, не далъ на нихъ крѣпостнаго акта, а тотъ, полагаясь на совѣсть и чувство признательности ему Ширкова, не спѣшилъ обезпечить себя имъ, въ томъ убѣжденіи, что всегда можетъ получить его отъ него. Такъ время, годъ за годомъ, и шло; между тѣмъ Адвокатъ отдалъ этихъ мальчиковъ въ Москву учиться поваренному ремеслу. Послѣ этого прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ они, отлично выученые этому дѣлу, взяты были имъ; изъ нихъ одного онъ пустилъ по оброку, давъ ему для этого паспортъ, а другого оставилъ при себѣ. Ширковъ, прибывъ въ свое имѣніе, былъ встрѣченъ имъ и привѣтствованъ съ счастливымъ и благополучнымъ окончаніемъ дѣла и приглашенъ къ нему на обѣдъ. Надо замѣтить, столъ былъ изысканно и

великолѣпно приготовленъ однимъ изъ двухъ находившихся при Адвокатѣ поваромъ, бывшимъ мальчишкою Ширкова, что хоть бы у богатаго столичнаго вельможи. Ширковъ услаждался обѣдомъ и невольно предложилъ Адвокату вопросъ: «Кто именно приготовлялъ ему его?» Тотъ, безъ всякаго замѣшательства, не нескрываясь, отвѣчалъ ему: «Твои люди,» и при этомъ разсказалъ объ нихъ все, какъ было. Ширковъ, какъ человѣкъ дурного сердца, воскипѣлъ къ нему завистію, а вспомнивъ, что онъ не далъ ему на нихъ крѣпостнаго акта, напомнилъ ему о томъ и сталъ требовать ихъ отъ него. Адвокатъ, по нѣкоторомъ колебаніи, согласился на его требованіе, но при этомъ сказалъ Ширкову, что возвратъ ему этихъ людей поведетъ его къ погибели по дѣлу Алтуховой, но тотъ былъ такъ твердо увѣренъ въ своемъ оправданіи, при томъ Высочайше утвержденномъ, что, отбросивъ всякое опасеніе, отвѣчалъ ему крайне презрительнымъ смѣхомъ, и окончательно разсорился съ нимъ.

Адвокатъ Ширкова, горя праведнымъ негодованіемъ и мщеніемъ къ нему, вскорѣ бросился къ несчастной матери убитой Ольги, Маріи Алтуховой, сильно возбудилъ ее противъ Ширкова и, увѣривъ, что дѣло ея можетъ быть выиграно, составилъ ей, для приложенія къ всеподданнѣйшей просьбѣ, краткую записку изъ дѣла, и столь удовлетворительную, что изъ нея легко и безошибочно можно усмотрѣть всю виновность Ширкова въ убійствѣ своей крестной дочери Ольги, далъ ей денегъ на дорогу, и отправилъ ее въ Петербургъ къ тогдашнему военному писателю и ветерану 1812 года, Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, прося его написать ей всеподданнѣйшую просьбу Государю.

Ободренная имъ и обезпеченная всѣмъ нужнымъ, Марья Алтухова пустилась въ Петербургъ пѣшкомъ, пришла туда, пройдя, какъ сама она говоритъ въ просьбѣ къ Государю, 1,200 верстъ, чтобы пасть съ благовѣніемъ къ священнѣйшимъ стопамъ Его. Она получила отъ Глинки всеподданнѣйшую просьбу, начинавшуюся такими словами:

«Царь Небесный, Христосъ, Сынъ Божій, взывалъ ко Отцу: «Вся сохранихъ, яже далъ ми еси, и ни кто же погибе. Царь Небесный, Христосъ, Сынъ Божій, искалъ единую овцу заблудшу, и обрѣтши ю, радуясь, воспріялъ на рамена свои. Ты, Царь земной, взыщи овцу стада Твоего, дочь мою, погибшую отъ руки убій-

цы, Губернскаго Секретаря Ѳедора Ширкова». Далѣе говоритъ, что онъ, «ведя дѣло въ разныхъ Судебныхъ инстанціяхъ, довелъ до того, что увеличилъ его такъ, что оно заключаетъ въ себѣ до 20-ти тысячь листовъ, и тѣмъ запуталъ и, во тьмѣ запутанности скрылся отъ справедливаго наказанія, и гласъ истины наконецъ умолкъ; а когда дѣло достигло до Государственнаго Совѣта, Ты, Государь, соизволилъ утвердить оправданіе Ширкова. Рано, или поздно, мы предстанемъ обои предъ престоломъ Всевышняго, и я буду вопить къ Нему о неправосудіи Твоемъ!»

За тѣмъ проситъ: «дать Ширкову и женѣ его очистительную въ церкви присягу въ томъ, что онъ неповиненъ въ крови ея дочери», и заключаетъ: «Кровь вопіетъ къ Богу и проситъ отмщенія! Я, мать угнетенная, пѣшая шла 1,200 верстъ пасть съ благоговѣніемъ къ стопамъ Твоимъ.»

При чемъ подиесла сказанную записку изъ дѣла, замѣчательную тѣмъ, что она вся изложена на листѣ. *

Императоръ Александръ Благословенный, принявъ отъ Маріи Алтуховой эту просьбу и, прочитавъ ее, глубоко былъ тронутъ, такъ, что прослезился и тотчасъ же передалъ ее Графу А. А. Аракчееву, повелѣвъ С.-Петербускому Правительствующему Сенату судить Ширкова, въ слѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе дать Ширкову и женѣ его очистительную въ церкви присягу, въ неповинности первымъ въ крови своей крестной дочери, и Ширковъ соглашался, но жена его торжественно отреклась отъ этого страшнаго обряда, и тѣмъ утвердила виновность его. За тѣмъ вытребованы были изъ Сибири и привезены несправедливо наказанные и по глупости своей изъ корысти принявшіе на себя вину въ участіи съ камердинеромъ Вентерцомъ будто бы убійства имъ Ольги Алтуховой, кучеръ и лакей, которымъ были даны такіе вопросы: «Кто именно виновникъ въ этомъ убійствѣ?» чтобъ они показали на судѣ всю правду, не опасаясь никакихъ послѣдствій, такъ какъ уже разъ наказанные, вторично не наказываются, а по этому не было имъ никакихъ причинъ лгать: и они показали и уличали въ глаза Ширкова, что онъ есть дѣйствительный убій-

---

* Прошеніе это уже помѣщено мною еще въ 1-й книгѣ «Чтеній» 1873 года, отд. V, стр. 266 и 267, но безъ «Записки», которую желательно было бы тоже напечатать, если бы кто ее доставилъ намъ. О. Б.

ца, а не кто другой, несчастной Ольги Алтуховой; что когда, убивъ ее, призвалъ ихъ къ себѣ въ комнаты и, указавъ имъ на трупъ ея, приказалъ имъ поднять его, вынести, положить на линѣйку, отвезти и бросить въ отъѣзжее поле, и, что если они и приняли на себя вину его, то были подкуплены имъ на то за большія деньги, и при томъ согласились еще и по тому, что онъ обѣщалъ имъ выхлопотать ихъ отъ суда и избавить отъ наказанія.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Ширковъ, по Высочайшему повелѣнію, обвиненъ и, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу; но онъ былъ закоренѣлый и нераскаянный злодѣй, не сознался, сваливая вину на бывшаго своего камердинера Венгерца, и даже когда садился уже въ арестантскую повозку въ Сибирь, утверждалъ, что онъ невиненъ.

А кучеру и лакею дарована свобода.

IV.

Главная военная администрація 1820—1823 годовъ и одинъ изъ примѣчательныхъ дѣятелей ея.

Тогда особенно замѣчательны были: Начальникъ Главнаго Штаба, называвшагося въ то время Его Императорскаго Величества, Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Императора Александра I-го; Директоръ Канцеляріи Начальника Штаба Князь А. С. Меньшиковъ (тогда Генералъ Маіоръ), и Дежурный Генералъ этого Штаба, А. А. Закревскій (также Генералъ-Маіоръ, и еще не Графъ), а Военнымъ Министромъ былъ Генералъ отъ Артиллеріи Баронъ Меллеръ-Закомельскій, власть котораго не имѣла вліянія на Главный Штабъ и его начальство, а подчинялась Начальнику Главнаго Штаба, чрезъ руки котораго непосредственно шелъ докладъ его Государю, такъ что онъ былъ полный хозяинъ Военнаго Министра и Арміи

Въ то время было еще особое Управленіе поселенныхъ войскъ съ ихъ Штабомъ, Главнымъ Начальникомъ коихъ былъ тогдашній временщикъ Графъ А. А. Аракчеевъ, которому не нравился этотъ, такъ сказать, тріумвиратъ, съ его властію и управленіемъ,

тѣмъ болѣе, что благорасположеніе и довѣріе Государя, раздвоялось на него и Князя Волконскаго, въ противность ревности его, желавшаго безраздѣльно и исключительно пользоваться ими одному, а по тому онъ хотѣлъ сбыть Князя Волконскаго, для чего искалъ только случая отдалить своего соперника съ его партіею отъ Государя, который и представился ему.

Въ Канцеляріи Начальника Главнаго Штаба служилъ, въ 1822 году, Начальникомъ 2-го Отдѣленія оной, Коллежскій Совѣтникъ И. А. Кремповскій, извѣстный Графу, человѣкъ отличныхъ способностей, ума, познаній, крайне самолюбивый, честолюбивый, искательный и интригантъ. Онъ, получивъ однажды отъ Князя Волхонскаго и Меньшикова по службѣ выговоръ, вздумалъ мстить имъ, воспользовавшись происшедшею тогда перемѣною въ Военномъ Министерствѣ. въ 1823 году умеръ Военный Министръ, на мѣсто коего, по желанію Графа Аракчеева, назначался, бывшій тогда Генералъ-Кригсъ-Коммисаромъ, А. И. Татищевъ Генералъ-Лейтенантъ (въ послѣдствіи Графъ), что вовсе не согласовалась съ видами и намѣреніями Князя Волконскаго. Кремповскій, бывъ хорошо знакомъ съ Татищевымъ, которому особенно благоволилъ Графъ Аракчеевъ и, зная тайное нерасположеніе его къ Волконскому, въ угожденіе ему, а болѣе изъ расчета своихъ выгодъ и въ удовлетвореніе своего желанія мстить, воспользовался этимъ стеченіемъ обстоятельствъ, и написалъ доносъ на Волконскаго и Меньшикова вообще по управленію ими Главнымъ Штабомъ, указывая всего болѣе на какую-то издержку въ суммѣ по Военному Департаменту. Доносъ этотъ подъ сказываніе его писалъ на почтовой бумагѣ Винницкій: Кремповскій передалъ его А. И. Татищеву, для представленія Графу Аракчееву; послѣдній, чрезвычайно обрадовавшись этому, доложилъ его Императору, слѣдствіемъ чего было смѣщеніе Князя П. М. Волконскаго съ должности Начальника Главнаго Штаба и назначеніе Чрезвычайнымъ Посломъ во Францію, Князь же А. С. Меньшиковъ отставленъ отъ должности Директора Канцеляріи Штаба, съ причисленіемъ по Арміи, и поѣхалъ, какъ всегда жаловавшійся на слабость своего здоровья, для пользованія за границу къ Минеральнымъ Водамъ; также отставленъ былъ отъ должности Дежурнаго Генерала А. А. Закревскій. Кремповскій былъ переведенъ изъ Канцеляріи Начальника Главнаго Штаба въ Военное Министерство, съ назначеніемъ къ новому Министру, А. И. Татищеву ,Старшимъ Чиновникомъ Осо-

быхъ Порученій. Здѣсь-то онъ сталъ особенно замѣтенъ по отличному довѣрію и расположенію къ нему Министра, который, чтобъ болѣе отличить и возвысить его, исходатайствовалъ для его особое важное Высочайшее назначеніе: произвести ему слѣдствіе надъ Провіантскимъ Коммисіонеромъ, Военнымъ Совѣтникомъ Посниковымъ, по поданному доносу Государю Александру I-му Масальскимъ мѣщаниномъ Безсоновымъ въ томъ, что онъ, служа прикащикомъ на баркахъ, на коихъ препровождался разнаго рода хлѣбъ для Гвардейскаго Корпуса и попутныхъ магазиновъ, купленный этимъ Коммисіонеромъ на 12 милл. рубл. ассигнац., усмотрѣлъ, что этотъ послѣдній воспользовался, существовавшимъ тогда въ коммерческомъ оборотѣ, лажемъ или промѣномъ, отъ 8-ми до 10 и даже 12-ти коп. на рубль, что составило утайки имъ и непредставленія въ казну примѣрно 1 милліона 200 т. рубл. ассигнаціями.

Кремповскій производилъ это слѣдствіе въ Губерніяхъ: Новгородской, Тверской, Московской, Костромской, Ярославской, Орловской, Нижегородской и Казанской, на пристаняхъ коихъ покупался хлѣбъ тѣмъ Коммисіонеромъ, болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и справедливость доноса подтвердилась вполнѣ; но онъ, въ огромномъ рапортѣ своемъ, съ представленіемъ подлиннаго слѣдствія Военному Министру, такъ сказать, схитрилъ въ пользу Коммисіонера Посникова, сказавъ что главнѣйше виновны въ неоткрытіи Правительству существованія лажа Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, а за тѣмъ Генералъ-Провіантмейстеръ, знавшіе объ ономъ, эгидою коихъ Коммисіонеръ пользовался онымъ; слѣдовательно, менѣе виновенъ: онъ и судился до конца своей жизни, а дѣло это поступило на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и осталось безъ послѣдствій. Кремповскій за отличіе былъ награжденъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, съ назначеніемъ Членомъ Совѣта Военнаго Министра, а Безсоновъ, какъ говорится, остался ни при чѣмъ, не смотря на то, что донось его твердился. Это дѣло его было не болѣе, какъ предметъ личностей его съ Коммисіонеромъ Посниковымъ.

Когда, же, въ концѣ 1825 года было получено изъ Таганрога печальное извѣстіе, поразившее всю Россію, о кончинѣ Императора Александра I-го, Кремповскій, выходя изъ Совѣта Военнаго Министра и, идя дорогою домой горько плакалъ, какъ бы предчувствуя, что съ кончиною этого Государя кончится и его

счастіе, что дѣйствительно и случилось, такъ какъ чрезъ два, три года по восшествіи на престолъ Императора Николая I-го, и за тѣмъ скоро по вступленіи на должность Военнаго Министра Генералъ-Адъютанта Чернышова (тогда еще не Графа и не Князя), его, вѣроятно, по настоянію Волконскаго, Меньшикова и другихъ значительныхъ лицъ враждебной Графу Аракчееву, который тогда сошелъ уже съ своего высокаго мѣста, былъ не у дѣлъ и уволенъ въ отставку, найдя для этого слѣдующій предлогъ:

Кремповскій, хотя вполнѣ заслуживалъ уваженіе за его особенную дѣятельность, свѣдѣнія и глубокое, всестороннее знаніе Военнаго Департамента, въ которомъ онъ почти одинъ работалъ за весь Военный Совѣтъ, былъ, въ противоположность этимъ хорошимъ свойствамъ своимъ, до крайности самолюбивъ, и по тому считалъ вообще товарищей своихъ, тоже членовъ: двухъ братьевъ, Артиллеріи, Генералъ-Лейтенантовъ Апрѣлевыхъ, двухъ братьевъ, Генераловъ Княжнинныхъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Нонинскаго и Директоровъ Департаментовъ Военнаго Министерства, только что не глупцами и людьми пустыми, былъ грубъ съ ними, чѣмъ и вооружилъ ихъ противъ себя, а они, мстя ему за это, нашли случай оговорить его предъ новымъ Военнымъ Министромъ, передавъ ему секретно странную (по тогдашнему новому времени, когда стала выходить изъ обычая, усвоенная прежними дѣловыми людьми, Мольеровская привычка имѣть у себя экономку) домашнюю его жизнь, отозвавшись объ оной, съ нѣкотораго рода отвращеніемъ, говоря, что, помимо домашнихъ хозяйственныхъ его дѣлъ, въ Государственныя дѣла, производимыя Кремповскимъ, сильно вмѣшивается эта его экономка. Генералъ Чернышовъ, предупрежденный уже этими навѣтами, пожелалъ его видѣть, для чего посѣтилъ Совѣтъ, гдѣ, въ общемъ разговорѣ съ Первоприсутствующимъ, тогдашнимъ Комендантомъ С.-Петербургской крѣпости, Генераломъ отъ Инфантеріи Сукинымъ, о дѣлахъ, услышалъ самохвальство Кремповскаго, который, желая выказаться предъ нимъ, утверждалъ, что онъ одинъ работаетъ за всѣхъ членовъ, занимаясь для этого по ночамъ,» на что Министръ, съ нѣкотораго рода неудовольствіемъ, замѣтилъ ему, что и онъ самъ тоже занимается дѣлами, просиживая цѣлыя ночи. Съ этого времени поднято на него преслѣдованіе, для чего съ начала постарались разобщить его съ экономкой, взявъ его изъ собственнаго его дома и отдавъ на медицинское испытаніе въ умствен-

ныхъ способностяхъ къ одному чиновнику Канцеляріи Военнаго Министра, за тѣмъ передали подъ надзоръ одному изъ сотоварищей по службѣ, личному его врагу, Члену Совѣта, Генералу Апрѣлеву, уволили отъ службы и наконецъ учредили надъ нимъ опеку, продолжавшуюся до конца его жизни. И дѣйствительно, онъ, какъ говорится, чудилъ отъ скуки, живя въ совершенномъ бездѣйствіи, и умеръ, въ 1836 году, принадлежа къ числу тайныхъ масоновъ, такъ какъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ назначилъ похоронить себя въ гробѣ, съ изображеніемъ на немъ двѣнадцати крестовъ.

Личность его была замѣчательная: это былъ человѣкъ небольшаго роста, приземистый, толстенькій, лицомъ сильно рябъ, съ чрезвычайно узкимъ лбомъ и блистающими карыми глазами, сынъ сельскаго Священника Харьковской Губерніи Ахтырскаго Уѣзда; учился сначала въ тамошней Семинаріи или Коллегіумѣ: кромѣ наукъ, хорошо объяснялся по Нѣмецки, чему, вѣроятно, выучился въ двѣ поѣздки съ Канцеляріею Начальника Главнаго Штаба, въ Отечественную войну 1812 и 1814 годовъ; прибылъ въ Петербургъ въ байковомъ или фризовомъ сюртукѣ, безъ всякаго покровительства опредѣлился на службу, на коей былъ всегда изъ первыхъ, какъ видно то изъ его послужнаго списка, съ перваго до послѣдняго чина, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, коими награждался все за отличіе по Высочайшему повелѣнію, имѣлъ ордена: Анны 3-й и 2 степеней, послѣдній брильянтами украшенный, былъ въ почести, славѣ и извѣстности, нажилъ хорошее состояніе, имѣлъ прекрасную большую дачу на Петербургской сторонѣ, со многими на ней домами, стоившую тысячъ осьмнадцать серебромъ, далѣе крестьянъ, кромѣ дворовыхъ, въ С.-Петербургской Губерніи около ста душъ, наличныхъ денегъ 12,000 рублей серебр., хорошіе экипажи и лошадей и, въ заключеніе всего, получалъ, по тогдашнему времени, большое содержаніе: разныхъ окладовъ, вмѣстѣ съ съ пенсіономъ, 13,500 рубл. ассигнац.; славился умомъ и отличной способностью писать превосходнымъ слогомъ бумаги, въ особенности проекты, что было его коньемъ; такъ онъ, между прочимъ, проектировалъ объ отпускѣ нижнихъ чиновъ войскъ въ безсрочные, что исполнено послѣ него черезъ тридцать только лѣтъ. Проектъ этотъ написанъ имъ для бывшаго тогда Корпуснаго Командира гвардейскаго корпуса, Генерала Вои-

нова, который долженъ былъ представить оный покойному Государю Императору Николаю I-му, въ началѣ 1826 года, и врученъ Кремповекимъ Коллежскому Совѣтнику Свѣчину, для передачи Воинову.

Къ нему нерѣдко ѣзжали за совѣтами: Министры и великіе значительные люди, какъ, на примѣръ, покойный Е. Ф. Канкринъ (тогда еще не Графъ), Военный Министръ А. И. Татищевъ, Графъ Е. Ѳ. Комаровскій, Главный по арміи Медицинскій Инспекторъ Баронетъ Вилліе, и многіе другіе.

V.

Личность, о которой въ свое время много говорили и рядили въ гостиныхъ, какъ о необыкновенной.

Это 1820 годовъ Генералъ-Провіянтмейстеръ А. И. Абакумовъ, въ послѣдствіи Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ двухъ звѣздъ, котораго называли о сьмымъ чудомъ въ свѣтѣ, восклицая: «О чудо изъ чудесъ, и Абакумовъ съ звѣздою!» Онъ, по происхожденію, изъ сдаточныхъ рекрутъ: имѣя хорошій почеркъ и бывъ отъ природы бойкій, смѣтливый, попалъ сначала въ полковые, потомъ бригадные, за тѣмъ дивизіонные, и въ послѣдствіи корпусные писаря, и при томъ гвардейскіе, выдержавъ тутъ экзаменъ, получилъ вожделѣнный 14-й классъ, и съ этимъ-то чиномъ поступилъ въ одну изъ Провіянтскихъ Коммисій класснымъ чиновникомъ, гдѣ служа, хорошо понялъ Провіянтскую часть, а занимая разныя должности и подымаясь все выше и выше, достигъ наконецъ, чрезъ недолгое время, званія Управляющаго Коммисіей, и на этой-то должности былъ замѣченъ за рѣдкую исправность и расторопность, а по смерти Генералъ-Провіянтмейстера Ламба назначенъ Исправляющимъ должность его, а въ 1821 году былъ уже полнымъ Генералъ-Провіянтмейстеромъ и Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, съ звѣздою Анны 1-й степени. Тогда ему было около 50-ти лѣтъ, но на видъ онъ былъ моложавъ. Фигура его весьма противорѣчила духовнымъ способностямъ его: это былъ маленькій, худенькій и вертлявый человѣчекъ, съ небольшою головкой и не совсѣмъ пріятною физіономіею, характера вспыльчиваго. Онъ любилъ чисто и красиво одѣваться.

VI.

Наводненіе 7 Ноября, 1724 года, въ Петербургѣ.

Это страшное, поразительное явленіе, опустошило преимущественно Части столицы: Петербургскую, Выборгскую, частію дальнія линіи Васильевской, въ особенности Галерную гавань, которую почти всю разрушило, отъ чего много утонуло людей, погибло домашняго скота, разрушено до основанія и унесено домовъ.

Вода въ этихъ Частяхъ подымалась выше двухъ саженъ, а въ Галерной еще болѣе. Вѣтеръ былъ столько силенъ, что ни какъ нельзя было устоять на ногахъ: большія деревья гнуло до земли, при чемъ одновременно дулъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ моря и Ладожскаго озера, и гналъ воду, отъ чего рѣка Нева, переполнившись, хлынула вся на Петербургъ, и затопила его.

Поразительно страшно было смотрѣть на эти бурныя, разъяренныя стихіи, а для человѣка, не видавшаго подобныхъ ужасовъ природы, могло показаться всеобщимъ разрушеніемъ міра, и онъ терялся отъ страха.

Вода начала выступать изъ береговъ около 12-ти часовъ полудня и стала съ необыкновенною быстротою и силою прибывать все болѣе и болѣе, ломая и разрушая все, встрѣчавшееся ей на пути, вливалась въ улицы широкими рѣками, отъ чего площади казались озерами, по тѣмъ и другимъ плавали обломки хижинъ, бревна, кровли, разный товаръ, бѣдное имущество небогатыхъ людей, мосты, барки и гальеты, снесенные и сорванные бурей, и гробы съ размытаго кладбища, и все это мчалось въ море! Такое состояніе продолжалось до трехъ съ половиной часовъ, когда вѣтеръ примѣтно началъ стихать и замѣтно было, что вода остановилась на одной точкѣ, стоя такъ нѣсколько минутъ. Этотъ переломъ встрѣченъ былъ съ неописанною радостію многими и многими несчастными; потомъ стала она постепенно сбывать, сначала медленно, за тѣмъ все скорѣе и скорѣе, и наконецъ быстро ушла въ свои предѣлы, вѣтеръ совершенно унялся и сдѣлалось спокойно, но такъ спокойно, какъ въ странѣ, опустошенной дыханіемъ язвы. Повсюду представлялись глазамъ страшныя, пора-

жающія ужасомъ, опустошенія: на улицахъ тамъ и симъ валялись огромными грудами исковерканныя и изломанныя бревна и доски, поломанная и перековерканная мебель и кирпичи отъ печей и трубъ, множество снесено и разрушено домовъ и разныхъ строеній, унесено водой пожитковъ и погибло домашняго скота.

Разсказываютъ, что когда вода, выступивъ изъ береговъ, стала вливаться въ улицы рѣками, обращая площади въ озера, и поднялась уже высоко, покойный Императоръ Александръ I-й, выйдя на балконъ печальный и смущенный и, глядя на злое бѣдствіе, сказалъ: «Царямъ не совладѣть съ Божіей стихіей!» и тотчасъ же повелѣлъ Графамъ Милорадовичу и Бенкендорфу взять изъ Адмиралтейства два большіе катера и ѣхать спасать испуганныхъ, тонущихъ людей; вечеромъ же, посѣтивъ на дрожкахъ Петербургскую и Выборгскую стороны, Васильевскій Островъ и Галерную Гавань, съ глубокою скорбію и грустію обозрѣвалъ ихъ, видя такія бѣдствія, разрушенія и опустошенія.

Послѣдствіемъ этого обозрѣнія было учрежденіе особыхъ Комитетовъ, и для пособія несчастнымъ Высочайше повелѣно отпустить изъ Государственнаго Казначейства милліонъ рубл. ассигнац., ввѣривъ его въ учрежденный на этотъ предметъ Центральный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Князя Куракина. Въ частныхъ же Комитетахъ, въ четырехъ Адмиралтейскихъ и другихъ Частяхъ, предсѣдателями были другіе Генералы, какъ-то: въ Выборгской Графъ Бенкендорфъ, въ Петербургской Графъ Комаровскій, избравшій себѣ въ сотрудники Генералъ-Контролера Лагоду и Кремповскаго, и т. д. Всѣ эти учрежденія, хорошо обслѣдовавъ и узнавъ насчастія, потери и убытки пострадавшихъ, немедленно выдавали имъ, чрезъ своихъ членовъ, пособіе, и тѣмъ отерли слезы многимъ несчастнымъ.

VII.

Чудесный аферистъ.

Офицеръ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка, по происхожденію своему Грекъ, по фамиліи же Чивеничи, хотя и исправно служилъ въ полку, но жилъ всегда аферами: то игрою въ карты, то покупкою, мѣною и продажею лошадей,

велъ жизнь открытую, и если не богатую, то весьма достаточную, былъ коротко знакомъ съ Московскимъ Грекомъ богачомъ Сивеніусомъ, обладателемъ неимовѣрной величины жемчужиной, которую нерѣдко бралъ у него тогдашній Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Князь Голицынъ, показать, какъ необыкновенную рѣдкость, пріѣзжавшимъ къ нему иногороднымъ гостямъ. Чивеничи, воспользовавшись происшедшимъ наводненіемъ въ Петербургѣ, сочинилъ Высочайшій рескриптъ на имя этого богача, мастерски точь въ точь подписавшись подъ руку Императора Александра I-го, коимъ Высочайше повелѣвалось Сивеніусу ссудить Его Величество полумилліономъ рублей ассигнаціями, для вспомоществованія пострадавшимъ отъ этого несчастнаго событія, вручивъ эту сумму Высочайше командированному названному Офицеру, а съ тѣмъ вмѣстѣ довѣрить ему и свою драгоцѣнную жемчужину, которую Государю благоугодно показать прибывшимъ тогда заграничнымъ Августѣйшимъ Особамъ, при чемъ вмѣнялось ему обо всемъ этомъ хранить величайшую тайну. Чивеничи, отпросившись отъ полка въ отпускъ въ Москву и явясь къ Сивеніусу, вручилъ ему поддѣльный рескриптъ, а этотъ богачъ, обрадованный такимъ милостивымъ Высочайшимъ вниманіемъ, поспѣшилъ выдать Чивеничи жемчужину и требуемыя деньги, который немедленно возвратился съ тою и съ ними въ Петербургъ и затѣялъ чрезъ нѣсколько дней свадьбу съ классною дамой Смольнаго дѣвичьяго Института (любимицей покойной Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны), съ которою онъ предъ этимъ былъ уже засватанъ, намѣреваясь вскорѣ послѣ брака уѣхать съ нею за границу. Но случилось, что почти одновременно съ его свадьбой былъ у Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора балъ, на которомъ новопріѣхавшія иногородныя значительныя особы, наслышавшись объ упомянутой драгоцѣнной жемчужинѣ, пожелали видѣть ее и неотступно просили Князя послать попросить Грека Сивеніуса прислать ее показать имъ. Князь, удовлетворяя ихъ желаніе, послалъ къ нему за нею одного изъ своихъ Адъютантовъ, но Грекъ отказалъ въ просьбѣ Князю, который повторилъ его уже съ старшимъ своимъ Адьютантомъ, но и опять получилъ тотъ же отказъ. Князь Голицынъ, видимо огорченный и оскорбленный подобнымъ неудовлетвореніемъ его желанія, рѣшился на другой день видѣться лично съ нимъ и узнать причину отказа имъ въ его просьбѣ. Прибывъ къ нему, просилъ подать жемчужину, но Си-

веніусъ мялся и отказывался отъ исполненія просьбы подъ разными предлогами: то потерялъ, де, ключъ отъ футляра, въ которомъ хранится эта драгоцѣнность, то замочекъ въ немъ поврежденъ, желая какъ ни будь отдѣлаться и скрыть настоящую причину отъ Князя; наконецъ, въ слѣдствіе неотступнаго, настоятельнаго требованія его, открылъ ему тайну, показавъ Высочайшій рескриптъ. Князь, усомнясь въ подлинности онаго и заподозривъ въ этомъ дѣлѣ подлогъ и обманъ, взялъ отъ Грека рескриптъ и немедленно всеподданнѣйше донесъ объ этомъ непонятномъ для него случаѣ Императору, представивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самый рескриптъ. Государь, получивъ донесеніе и подложный рескриптъ, разгнѣванный такой неслыханной дерзостью Чивеничи, повелѣлъ въ самый день свадьбы его схватить и посадить въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и содержался почти до половины 1826 года; жемчужина же и деньги, за исключеніемъ немного истраченныхъ изъ нихъ, вскорѣ были отобраны отъ него и возвращены по принадлежности Сивеніусу. Виновный освобожденъ былъ уже покойнымъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, по сильному ходатайству Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и изгнанъ, вмѣстѣ съ женою, за границу, въ Турцію, въ Іюнѣ 1826 года, гдѣ онъ, какъ слышно было, чрезвычайно что-то напроказилъ, и едва ли избѣгъ смертной казни.

VIII.

Заговоръ и мятежъ 14 Декабря, 1825 года.

Декабря 14 дня еще до полудня начали показываться на Петровской площади отдѣльныя части разныхъ гвардейскихъ полковъ, и прежде всѣхъ, во всемъ своемъ составѣ, полкъ экипажъ-гвардіи, возбужденный къ возстанію сильною рѣчью, сказанною въ казармахъ того полка Поручикомъ Александромъ Бестужевымъ, извѣстнымъ литераторомъ въ послѣдствіи подъ именемъ «Марлинскій». Приведенный имъ на площадь экипажъ построился кругомъ монумента Петра I-го. Послѣ него возмутилось нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, но были удерживаемы командиромъ своимъ, Генераломъ Стюрлеромъ, и Полковникомъ, баталіоннымъ командиромъ этого полка: «успокоиться, оставить мя-

тежъ и не ходить на площадь», за что, возмутившіе ихъ, отставной Поручикъ Каховской и этого полка Поручикъ Пановъ (послѣдній, для уничтоженія въ себѣ всякаго чувства человѣческаго сознанія, воспламенилъ себя, выпивъ предъ этимъ цѣлый штофъ водки), изрубили ихъ шашкою, послѣ чего вышли изъ казармъ, такъ называемыхъ, Глѣбовыхъ, и направились по Гороховой улицѣ къ условленному мѣсту, къ тому же монументу Петра Великаго. Идя дорогой, встрѣтили они отставнаго Квартальнаго Надзирателя А. И. Лефебра, въ послѣдствіи Старшаго Чиновника Особыхъ Порученій III Отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, и спросили его: «Кому онъ присягалъ?» и получивъ отвѣтъ: «Государю Николаю I-му», Московцы, поднявъ его на штыки, сильно изранили, послѣ чего продолжали ити на Петровскую площадь. Но одна рота изъ числа ихъ, подъ предводительствомъ того же Панова, отдѣлившись отъ прочихъ и, назначенная для смѣны караула въ Петропавловской крѣпости, миновавъ названную площадь, Адмиралтейскую и Дворцовую, пустилась бѣгомъ чрезъ рѣку Неву къ ней, намѣреваясь прежде всего, завладѣвъ тамошнимъ арсеналомъ, всѣми боевыми снарядами и крѣпостными орудіями, направить ихъ на Зимній Дворецъ, разбить его и уничтожить всю Императорскую фамилію; но Комендантъ крѣпости, Генералъ отъ Инфантеріи А. Я. Сукинъ, бывшій въ то время на стѣнахъ ея, усмотрѣвъ эту безпорядочную пьяную толпу бѣгущихъ солдатъ, съ ихъ предводителемъ, заподозрилъ ихъ въ неблагонамѣренности, приказалъ запереть крѣпость и не впустилъ ихъ въ оную. Такъ какъ они потерпѣли здѣсь неудачу, то, возвращаясь назадъ, предприняли смѣнить караулъ въ Зимнемъ Дворцѣ, съ упомятою же цѣлію, но встрѣчены были вѣрными Финлядцами, занимавшими тамъ караулъ и не допустившими ихъ до этого. Испытавъ и тутъ неуспѣхъ, Поручикъ Пановъ, съ этою толпою примкнулъ къ образовавшемуся каре вокругъ монумента Петра I, а вскорѣ за ними прибылъ изъ казармъ Аптекарскаго Острова почти цѣлый баталіонъ лейбъ-гвардіи гренадеръ, и также присоединился къ каре, сильно увеличивъ его, въ срединѣ коего были Штабъ и Оберъ-Офицеры и гражданскіе чины, а командовалъ онымъ отставной Поручикъ Рылѣевъ, одѣтый въ партикулярное платье, съ треугольною революціонною шляпой на головѣ. Чтобъ еще болѣе усилить свою партію, они возбудили къ мятежу рабочихъ строившагося тогда Исаакіевскаго Собора, коихъ было нѣсколько сотенъ, жившихъ какъ разъ противъ монумента, въ сараяхъ, а для успѣха

въ этомъ разбили погребъ, помѣщавшійся въ старомъ зданіи Сената, находившагося съ одного бока того монумента, выкативъ оттуда бочки съ рейнскими винами, водкою и другими напитками и, разбивъ ихъ, окончательно споили и тѣмъ расположили этихъ темныхъ людей въ свою пользу. Зрѣлище было весьма отвратительное. Изъ погреба лились большими потоками: водка, вина, портеръ и пиво, и все это смѣшавшись; туда безпрестанно ходили напиваться эти рабочіе и обуявшіе и разъяренные солдаты, составлявшіе каре, черпая напитки, кто киверами, кто шайками, кто шапками, а многіе, не брезгая, пили эту отвратительную смѣсь наклонившись ртомъ съ земли, уподоблялись животнымъ, лакающимъ пойло. Тѣ и другіе были въ какомъ-то остервенѣломъ состояніи, страшно буйствовали и неистово ревѣли: солдаты, что они, присягавъ на вѣрноподданство Цесаревичу Константину Павловичу, не хотятъ присягать Николаю I-му, а рабочіе, всѣ вооруженные желѣзными сверлами, величиною съ ломы, которыми они просверливали колонны Собора, по наущенію предводителей мятежа, грозя этими орудіями, кричали: «Ура, Константинъ и жена его конституція!»

А такъ какъ это буйство было въ недальнемъ разстояніи отъ казармъ лейбъ-гвардіи конно-гвардейскаго полка, то командиръ онаго, Генералъ-Маіоръ А. Ѳ. Орловъ, выѣхалъ оттуда противъ бунтующихъ съ эскадрономъ и пустился въ атаку, желая смять и разсѣять ихъ; но это дѣйствіе его не имѣло успѣха, такъ какъ изъ каре отвѣчали противъ нихъ батальныхъ огнемъ настоящими боевыми зарядами, а Исакіевскіе рабочіе пустили въ то же время въ конно-гвардейцевъ, свои страшныя, съ острыми стальными наконечниками, сверла, по чему многіе изъ нападающихъ солдатъ были побиты на смерть, а болѣе всего ранено, и отступили назадъ. Надо замѣтить, что каре, кромѣ того, что было велико, сильно и крѣпко, еще хорошо устроено и искусно управляемо.

Такъ было въ началѣ и народъ, обступившій ихъ и сновавшій по Петровской и Адмиралтейской площадямъ, а также по всему Адмиралтейскому бульвару, былъ въ полномъ невѣдѣніи о причинѣ возстанія, но изъ любопытства и суетливости, какъ обыкновенно бываетъ, жадно глядѣлъ на все происходившее, желая окончательно увидѣть конецъ этой исторіи, за что многіе изъ него жестоко поплатились.

Между тѣмъ, пока все это тутъ происходило, въ Генеральномъ Штабѣ, находившемся въ зданіи Главнаго Штаба, всѣ значительныя лица, какъ военныя, такъ и гражданскія, присягали, своимъ порядкомъ, на вѣрноподданство Императору Николаю I-му, такъ какъ для исполненія этого для послѣднихъ Сенатъ въ этотъ день былъ запертъ, и тамъ не было никакого засѣданія.

Императоръ Николай Павловичъ, не придавая сначала важнаго политическаго значенія этому волненію, хотѣлъ успокоить возмутившихся мирными средствами, для чего былъ посланъ къ нимъ тогдашній С. Петербургскій Митрополитъ Серафимъ съ крестомъ надъ главою, чтобъ убѣдить ихъ, но эта мѣра не имѣла успѣха: изъ каре отвѣчали ему насмѣшками и совѣтовали убраться пока цѣлъ.

Но чтобъ болѣе повліять на нихъ и получить успѣхъ въ усмиреніи, посланъ былъ еще къ нимъ, показавшійся важно верхомъ, бывшій Корпусный Командиръ гвардейскаго корпуса и С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, славный сподвижникъ 1812 года, Графъ Милорадовичъ, который, участвуя въ 50-ти слишкомъ сраженіяхъ, не былъ ни разу раненъ, но, при переговорахъ съ этими мятежниками, получилъ смертельную рану изъ пистолета отъ Коллежскаго Ассесора Кюхельбекера, который, въ слѣдъ за этимъ, схватилъ было у лейбъ-гвардейскаго гренадера ружье и, ударивъ имъ Графа въ бокъ, сшибъ его съ лошади: послѣ чего, для оказанія медицинскаго пособія, раненаго отвезли въ конно-гвардейскій манежъ, гдѣ онъ и скончался. Въ то же время одинъ изъ мятежниковъ, отставной Поручикъ Каховской, цѣлился изъ большаго пистолета въ покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича, но, стоявшій возлѣ него рядовой гренадерскаго полка, вышибъ изъ рукъ его пистолетъ прикладомъ ружья, ударивъ его онымъ по рукѣ, и тѣмъ отвратилъ злое намѣреніе его.

Тогда-то, понявъ всю важность и опасность этого возмущенія, покойный Государь Николай Павловичъ, вышедъ изъ Зимняго Дворца съ первымъ баталіономъ Преображенскаго полка, смѣло сталъ въ головѣ его противъ нихъ, положивъ въ умѣ своемъ личнымъ своимъ присутствіемъ возстановить спокойствіе и уничтожить это безумное и беззаконное дѣло, какъ въ это время подъѣхали къ нему верхами двое изъ стоявшихъ въ срединѣ каре,

именно: прибывшій въ Петербургъ на короткое время въ отпускъ, 6 числа Декабря, и тотчасъ же завлеченный Рылѣевымъ въ заговоръ, Командиръ одного изъ армейскихъ егерскихъ полковъ, Полковникъ Булатовъ, сдѣлавшійся ревностнымъ послѣдователемъ увлекшаго въ оный, и пріѣхавшій тоже не задолго до этого кроваваго происшествія изъ Закавказа, тогдашняго Нижегородскаго драгунскаго полка Капитанъ Якубовичъ, замѣчательный по простръленной у него головѣ и неизлѣчимой отъ того широкой ранѣ на лбу, для прикрытія коей онъ носилъ кругомъ головы серебряный обручъ, оба вооруженные заряженными пистолетами и намѣревавшіеся лишить жизни Императора, но, приблизившись къ нему и разговаривая съ нимъ, не осмѣлились рѣшиться на цареубійство, такъ какъ, по собственному ихъ выраженію, «не поднялись руки.»

А какъ мятежъ продолжался и усиливался все болѣе и болѣе, то, по совѣту одного изъ числа окружавшихъ Государя, сподвижника 1812 года, бывшаго тогда Генералъ-Квартирмейстеромъ большой дѣйствующей Арміи, въ послѣдствіи Главноуправляющимъ Путями Сообщенія, Графа Толя, послано было за гвардейскою артиллеріею, по прибытіи коей сдѣлано по тому каре изъ орудій три холостые выстрѣла, но изъ каре, однако, отвѣтили убійственнымъ батальнымъ огнемъ съ градомъ пуль.

Государь, намѣреваясь принять противъ нихъ рѣшительныя уже мѣры, обратился къ зрителямъ съ предупрежденіемъ, что тутъ будетъ нѣчто весьма недоброе, предлагая имъ разойтись, но немногіе воспользовались благимъ повелѣніемъ его, большая же часть осталась, безъ всякой для себя надобности, глазѣть, и за то были наказаны.

Въ слѣдъ за тѣмъ, по повелѣнію Императора, сдѣлано по тому каре еще три выстрѣла изъ орудій, но уже настоящими боевыми зарядами, картечью: по первому оно заколебалось, по второму растроилось, а по третьему разбѣжалось, кто куда попалъ, и на мѣстѣ его остались только лишь убитые, обезображенные трупы, оторванные члены и огромныя лужи крови, а окрестъ, тамъ и сямъ, послышались крики и стоны; орудія же тотчасъ поставлены были предъ входами въ улицы: Большую Милліонную, Гороховую, Вознесенскую и Галерную, вдоль Англійской набережной, противъ Исакіевскаго моста и на

Неву рѣку, противъ 1-й линіи Васильевскаго острова, стрѣльба изъ коихъ продолжалась боевыми же зарядами вдоль тѣхъ улицъ и названныхъ мѣстъ. Много было убито нижнихъ чиновъ, составлявшихъ каре и ранено бѣжавшихъ и спасавшихся послѣ разбитія его, а также людей изъ числа праздно глядѣвшихъ на это ужасное происшествіе. На стѣнахъ Сената въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись прилипшіе человѣческіе мозги и запекшаяся кровь, а на Петровской площади, гдѣ разыгрывалась эта кровавая драма, крови было до того много, что и на другой день, сколько ни засыпали ее, то снѣгомъ, то пескомъ, она все таки продолжала выступать.

Въ ночь 14 Декабря и послѣ того днемъ и по ночамъ долгое время стояли у Зимняго Дворца, на площади и вокругъ его, словно какъ въ военное время, пикеты съ орудіями, боевыми патронами и съ зажженными фитилями, а съ тѣмъ вмѣстѣ патрули изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ днемъ и ночью разъѣзжали по улицамъ столицы ежедневно болѣе года.

Въ эти же вечеръ и ночь начались розыски и аресты мятежниковъ, продолжавшіеся долго послѣ того: ихъ набрали и навезли изъ разныхъ городовъ Россіи, многихъ по подозрѣнію, столь много, что въ Петропавловской крѣпости не было мѣста для содержанія ихъ, а по тому нѣкоторые содержались въ зданіи Главнаго Штаба, но изъ числа ихъ въ тотъ же день нѣкоторые скрылись, какъ то: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Тургеневъ ушелъ въ Америку въ Соединенные Штаты, гдѣ и находился все царствованіе покойнаго Государя Николая 1-го, и показался въ Россіи уже при нынѣшнемъ Императорѣ; Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ пробрался было въ Варшаву замаскированный, одѣвшись въ кучерской армякъ и привязавъ себѣ фальшивую бороду, гдѣ пойманъ и сосланъ съ прочими мятежниками въ Сибирь; и Командиръ корабля Николай Бестужевъ, старшій братъ Александра Бестужева, успѣвшій, вечеромъ 14 Декабря, пробраться даже за Кронштадтъ, на тамошнюю косу, противъ Швеціи, переодѣтый матросомъ, но, какъ весьма уставшій и иззябшій, вздумалъ зайти на перепутьи въ находившійся на льду кабакъ, чтобъ нѣсколько отдохнуть и отогрѣться, а за тѣмъ уйти въ Швецію, потребовалъ себѣ водки, редьки, квасу и хлѣба; сидя тамъ, теръ на теркѣ редьку, но въ это время былъ взятъ и также сосланъ въ Сибирь.

Изъ числа невинно пострадавшихъ 14 Декабря, любопытствовавшихъ видѣть это печальное событіе, памятенъ мнѣ, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, отставной Штабъ-Офицеръ, Экзекуторъ Сената, семейный человѣкъ, съ совершенно выбитымъ однимъ глазомъ, закрытымъ черною тафтяною повязкой: онъ лишился этого органа, стоя съ боку окна въ Сенатѣ и смотря на происходившее на Петровской площади, но въ это время картечь, летѣвшая въ окно, выбила стекла и осколками ихъ вышибла ему глазъ: къ счастію еще, что онъ не стоялъ противъ окна, а въ такомъ случаѣ картечь попала бы ему въ лицо, и онъ былъ бы убитъ на повалъ.

А въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1826 года, въ слѣдствіе состоявшагося рѣшенія Верховнаго Уголовнаго Суда участи мятежниковъ и утвержденнаго Государемъ Императоромъ, утромъ рано, на зарѣ, происходила казнь ихъ за крѣпостью, на валу, гдѣ нынѣ Петровскіе парки, изъ числа коихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сто человѣкъ, раздѣленные на нѣсколько разрядовъ, сосланы, одни на долгіе сроки въ Сибирь, на каторгу, другіе на меньшіе, нѣкоторые на нѣсколько лѣтъ въ разныя крѣпости, въ томъ числѣ нѣкто Поручикъ одного изъ гвардейскихъ полковъ Тюриковъ содержался въ Шлиссельбургской крѣпости не менѣе 15-ти, въ послѣдствіи былъ освобожденъ съ ссылкою рядовымъ въ г. Тифлисъ, въ одинъ изъ нестроевыхъ батальоновъ, откуда, по ходатайству своихъ родныхъ, Московскихъ жителей, Высочайше уволенъ, съ отдачею его на поченіе ихъ, но безъ права именоваться какимъ либо званіемъ; менѣе же виновные сосланы въ Сибирь на поселеніе, а пять важнѣйшихъ и главнѣйшихъ тамъ же повѣшены. Замѣчательно, что у двоихъ изъ нихъ петли обрывались: у Полковника Муравьева-Апостола одинъ разъ, а у Поручика Рылѣева два раза.

IX.

Командующій на Кавказѣ и въ Черноморіи Генералъ-Лейтенантъ Вельяминовъ.

Этотъ славный сподвижникъ войнъ 1812 и 1814 годовъ, жилъ, во время управленія Кавказскимъ и Закавказскимъ краемъ Генераломъ А. П. Ермоловымъ, въ городѣ Ставрополѣ со всѣмъ Штабомъ; у него были нѣкоторыя странности въ характерѣ. Такъ

онъ имѣлъ привычку говорить почти всѣмъ: «Дражайшій!» и его видали только тогда, когда онъ отправлялся въ экспедицію противъ Горцевъ, иначе онъ не выходилъ изъ комнатъ занимаемаго имъ дома. Отправляясь ежегодно туда, когда спрашивали его подчиненные Генералы: «Куда?» онъ отвѣчалъ имъ: «Дражайшій! барабанщикъ вамъ это укажетъ!» Въ походѣ онъ ходилъ, подобно Наполеону I-му, сверхъ мундира, въ сѣромъ короткомъ сюртукѣ. У него былъ открытый столъ, къ которому сходились небогатые Офицеры и Чиновники Штаба, а онъ самъ никогда не выходилъ къ оному и кушаньевъ съ этого стола не кушалъ, а ему подавали въ его кабинетъ одно особое кушанье—змѣя, такъ называемаго, желтопуза, подъ желтымъ соусомъ, откормленнаго прежде молокомъ, и это кушанье онъ чрезвычайно любилъ. Онъ былъ одинокъ и умеръ, говорятъ, отъ безстрастія (апатіи) ко всему.

X.

Нѣчто о Генералѣ отъ Артиллеріи А. П. Ермоловѣ.

Этотъ знаменитый герой войнъ 1812 и 1814-го годовъ, по увольненіи его отъ управленія Кавказомъ и Закавказскимъ краемъ и командованія Кавказскимъ Отдѣльнымъ Корпусомъ, въ концѣ Апрѣля, 1826 года, ѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ славнымъ партизаномъ Отечественной войны, Генералъ-Маіоромъ Д. В. Давыдовымъ, испытавшимъ неудачу отъ новаго Главнокомандующаго тѣмъ краемъ, Генерала Паскевича, въ намѣреніи участвовать въ Персидской войнѣ, и по тому возвращавшимся въ полуколяскѣ. Позади Алексѣя Петровича ѣхала любимая имъ женщина, Лезгинка, отъ коей онъ имѣлъ троихъ дѣтей: двухъ сыновей и дочь, находившихся при ней, въ закрытой колескѣ, а за нею обозъ съ его имуществомъ. Его сопровождало сильное военное прикрытіе: рота пѣхоты, нѣсколько десятковъ Линѣйныхъ Казаковъ, съ тремя Урядниками огромнаго роста и при одномъ орудіи, по чему весь этотъ поѣздъ двигался довольно медленно до крѣпости Владикавказъ, останавливаясь для ночлеговъ въ Казачьихъ укрѣпленныхъ станицахъ съ закатомъ солнца и выѣзжая изъ нихъ съ восходомъ онаго. Проѣхавъ такъ полдороги до Владикавказа, около полудня онъ остановленъ былъ быстро подъѣхавшимъ къ нему переметчикомъ изъ Горцевъ, съ объявленіемъ, что одно горское племя, узнавъ о смѣнѣ его съ

должности Главнокомандующаго краемъ и возвращеніи въ Россію, и полагая, что онъ ѣдетъ съ значительнымъ богатствомъ, намѣрено вскорѣ напасть на него. Генералъ Ермоловъ, отблагодаривъ его нѣсколькими серебряными рублями (весьма чествуемыми Горцами), тотчасъ же приготовился встрѣтить непріятеля: устроивъ изъ пѣхоты каре, впереди его поставилъ пушку, помѣстивъ весь свой поѣздъ въ срединѣ его, послалъ по обѣимъ сторонамъ для развѣдыванія Казаковъ, а самъ, вмѣстѣ съ Генераломъ Давыдовымъ, вышелъ изъ своего экипажа и поставилъ возлѣ себя и Давыдова трехъ Казачьихъ Урядниковъ, съ рѣшительною готовностію хорошо наказать Горцевъ. Такъ простояли съ полчаса, въ ожиданіи непріятеля, но, вмѣсто его, увидѣли быстро скачущихъ къ каре четырехъ Кабардинскихъ начальниковъ, которые, подъѣхавъ, спѣшились, сняв свои папахи * (чего Горцы ни передъ кѣмъ не дѣлаютъ, и по тому это была особая честь Алексѣю Петровичу), просили позволенія представиться Его Высокопревосходительству, который, дозволивъ имъ это, спросилъ ихъ на Кабардинскомъ нарѣчіи о причинѣ ихъ явки? Они, почтительно подойдя къ нему, объявили, что пріѣхали засвидѣтельствовать ему въ послѣдній разъ свое уваженіе. Выслушивая, онъ узналъ ихъ, и въ особенности одного, замѣчательнаго тѣмъ, что у него была, въ родѣ роднмаго пятна, звѣзда на лбу; въ заключеніе сказали они, чтобъ онъ былъ спокоенъ, не тревожился и не страшился, что слухъ о нападеніи на него есть чистая ложь, основаніемъ коей послужила, ведущаяся не вдалекѣ, драка двухъ враждующихъ племенъ между собою. Генералъ Ермоловъ, поблагодаривъ ихъ за память о себѣ, милостиво простился съ ними, отпустивъ ихъ. За тѣмъ поѣздъ тронулся, поѣхалъ далѣе и чрезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ въ Владикавказъ, Алексѣй Петровичъ остановился у Коменданта этой крѣпости. Онъ былъ тогда въ полномъ развитіи своихъ силъ, съ полнымъ румянымъ лицомъ, съ прекрасными голубыми глазами, орлинымъ носомъ, и въ густыхъ, почти сѣдыхъ, нахмуренныхъ его бровяхъ, было истинно нѣчто грозное, а во всей колоссальной его фигурѣ что-то величественное и важное; при взглядѣ же на его голову, съ бѣлыми волосами, это былъ герой, «какъ лунь, во брашихъ посѣдѣлый!»

---

* Мѣховая шапка.

XI.

Генералъ-Маіоръ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Этотъ чудный гусаръ-рубака, появлявшійся на своемъ ухарскомъ конѣ неожиданно передъ Французами и, какъ тѣнь, мгновенно ускользавшій отъ нихъ, разставшись съ Генераломъ А. П. Ермоловымъ, пріѣхалъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, 1826 года, на Кавказскія Минеральныя Воды и прожилъ тамъ весь курсъ. Около него всегда составлялся большой кружокъ кавалеровъ и дамъ: послушать разсказы объ его военныхъ подвигахъ въ 1812 и 1814 годахъ. И дѣйствительно, любопытны и занимательны были рѣчи объ его боевой тогдашней жизни, его внезапное нападеніе на непріятеля, откуда тотъ вовсе не ожидалъ его, и быстрое изчезновеніе его, веселыя, удалыя его военныя пѣсни и стихи, въ которыхъ онъ восторженно вспоминаетъ то время, товарищей своихъ гусаровъ и разныхъ воякъ той поры. Это былъ прирожденный кавалеристъ-рубака, какъ выражался онъ о сотоварищахъ своихъ, горячо любившій службу, военныя молодецкія схватки и полную разгула жизнь. Но всего забавнѣе его слова, въ шутку, или въ дѣйствительности, высказанныя, когда онъ пилъ воду изъ источника: «Нарзанъ», что онъ во всю свою жизнь не пилъ воды, а здѣсь пришлось ему пить ее и въ такомъ изобиліи! При этомъ вырвалось съ языка его безъ приготовленія четверостишіе:

«Вода мнѣ вовсе не вкусна,
А есть напитокъ благородной,
Сліянье рома и вина,
Безъ примѣси воды негодной!»

XII.

Странная и удивительная личность.

Это Русскій Докторъ, начавшій свою профессію въ Петербургѣ съ 1823 года, продолжавшій практику около сорока лѣтъ и нажившій, посредствомъ своего способа лѣченія, около 200 т. рубл. ассигн., бывъ прежде того бѣднымъ человѣкомъ. Онъ игралъ важную роль между знатью и пользовалъ безпрепятственно во

всѣхъ лучшихъ и богатѣйшихъ домахъ особъ обоего пола. Способъ пользованія его былъ весьма простъ и несложенъ: онъ бралъ отъ лампады, сколько можно влить въ пригоршню руки, деревяннаго масла, съ помощью коего сильно гладилъ и теръ обѣими руками голое тѣло, преимущественно всю спину, водя по нимъ крѣпко пальцами до разгорячения, * что само по себѣ есть родъ магнетизма, которымъ, вѣроятно, онъ обладалъ въ сильной степени, что подтверждается еще и тѣмъ, что, послѣ каждой подобной, такъ сказать, операціи, онъ впадалъ въ утомленіе, и такимъ способомъ излѣчивалъ отъ многихъ болѣзней, въ особенности же отъ простуды, ломоты и ревматизма, и весьма часто удачно, вылѣчивая многихъ важныхъ особъ изъ дамъ и отъ другихъ болѣзней, между прочимъ отъ водяной. Онъ былъ популяренъ у весьма значительныхъ особъ, какъ, напримѣръ, у Графа А. А. Аракчеева, который любилъ и жаловалъ его, въ особенности за свою любовницу, извѣстную «Настасью», столь счастливо пользованную этимъ докторомъ, что она была починальницею его счастія, обогативъ его на сумму около 50-ти т. рубл. ассигнац. и накупивъ ему дорогой мебели болѣе нежели на три большія комнаты. Въ слѣдствіе такой популярности своей, онъ пользовался расположеніемъ и довѣріемъ знати, а пользуя дамъ, зналъ многія семейныя тайны въ лучшихъ домахъ.

По происхожденію своему, онъ незначительный человѣкъ, Олонецкій купеческій сынъ, по имени, отчеству и фамиліи Терентій Трифоновичъ Трифоновъ; при вступленіи его на Докторское поприще, ему было около 27-ми лѣтъ, втайнѣ Старообрядецъ, человѣкъ болѣе нежели средняго роста, съ тонкими чертами и съ весьма желтоватымъ лицомъ, замѣчательный въ особенности тѣмъ, что у него была длинная, но жиденькая, борода, доходившая почти до полу, которую онъ свертывалъ и засовывалъ за шейный платокъ.

Замѣчательно, когда онъ сталъ входить болѣе и болѣе въ славу и богатѣть, и его не пощадилъ червь честолюбія. Ему

---

* Во время моего пребыванія въ Гефенбергѣ у извѣстнаго Присница, 1840—1842 г., также славился подобнымъ способомъ лѣченія, въ ближнемъ селеніи Lange Lindewiese, нѣкто Шротъ, который своихъ больныхъ обоими руками долго и сильно растиралъ по нѣсколько разъ, предписывая при томъ имъ строгое въ пищѣ воздержаніе, и многихъ вылѣчивалъ удачно. О. Б.

хотѣлось втереться съ своимъ лѣченіемъ къ покойному Императору Николаю Павловичу, * что обѣщалъ ему приближенный Его Величества Генералъ Кошелевъ; но это не состоялось только по недоброжелательству къ нему покойнаго Главноначальствующаго надъ Почтовою Частію, Князя А. Н. Голицына, который, по дружбѣ съ Кошелевымъ, хотя сначала и уступилъ ему въ этомъ намѣреніи его, по чему Трифоновъ и былъ приглашенъ ими обоими, по случаю лѣтняго времени, въ Царское Село, во дворецъ, гдѣ Генералъ Кошелевъ имѣлъ особое помѣщеніе, а съ нимъ проживалъ иногда и Князь; но прибывъ къ нимъ и пробывъ у нихъ цѣлый день, онъ былъ въ полной надеждѣ на свое счастіе, между тѣмъ какъ въ теченіи дня имъ ни какъ не удалось представить его къ Государю, а по тому отложено было это до слѣдующаго дня, и Трифоновъ все надѣялся. Въ этомъ убѣжденіи онъ, послѣ вечерняго чая и закуски, отпущенъ былъ ими на покой въ сосѣднюю комнату, въ коей, спустя нѣкоторое время, услышалъ ихъ обоюдный о себѣ споръ: Кошелевъ настаивалъ представить его Императору, а Князь противился тому, доказывая, что «Трифоновъ, по простотѣ своей, можетъ поправиться Государю, но при болтливости своей скажетъ, пожалуй, ему что ни будь на счетъ ихъ, и этимъ повредитъ имъ!» Кошелевъ на это не возражалъ. И такъ, на другой день, утромъ, послѣ кофею и чаю, они, обласкавъ его, отпустили въ Петербургъ, объявивъ ему, что въ этотъ разъ, за множествомъ докладовъ Императору особенныхъ дѣлъ и чрезвычайнаго занятія его, нѣтъ времени представить его къ Его Величеству, но что они исполнятъ то въ другой разъ, въ чемъ разсыпались ему въ краснорѣчивыхъ увѣреніяхъ. Между тѣмъ послѣ, при многократныхъ своихъ приглашеніяхъ его потереться отъ простуды, они болѣе никогда уже не заводили съ нимъ объ этомъ предметѣ разговора.

XIII.

Нѣсколько словъ о Губернской администраціи 1830-хъ годовъ.

Богатый человѣкъ, чиновникъ въ отставкѣ и природный дворянинъ, Винницкій, живя въ Петербургѣ, въ 1831 году, имѣлъ на-

---

* Вѣроятно, Александру Павловичу. О. Б.

добность быть въ г. Херсонѣ, куда и пріѣхалъ безъ подорожной, а съ однимъ лишь аттестатомъ о службѣ, вмѣстѣ съ знакомымъ ему Провіантскимъ Коммисіонеромъ Лоренценомъ, ѣхавшимъ по службѣ въ г. Симферополь, и по тому, разставшись съ послѣднимъ, понадобилось ему, какъ для взятія себѣ подорожной до г. Одессы, которую онъ хотѣлъ видѣть, а равно и обратнаго слѣдованія въ Петербургъ, достать на эти предметы денегъ. Вынувъ изъ своего бумажника одинъ изъ билетовъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта въ 150 руб. ассигнац., отправился онъ съ нимъ, въ слѣдствіе Субботняго дня, и какъ время было уже болѣе полудня и нельзя было предъявить его въ тамошній Приказъ Общественнаго Призрѣнія, въ Гостинный дворъ, гдѣ обратился съ онымъ къ богатому купцу Еврею, который, усомнясь въ дѣйствительности значенія таковаго, для удостовѣренія, попросилъ его сходить вмѣстѣ съ нимъ къ Уѣздныхъ дѣлъ Стряпчему, что онъ охотно и исполнилъ; а какъ Стряпчій разрѣшилъ его сомнѣнія, то Еврей, взявъ отъ него билетъ, согласился выдать ему желаемую сумму, съ уступкою только процентовъ, и пригласилъ его для этого къ себѣ въ домъ. Идя дорогой, Винницкій неосторожно проговорился ему, что онъ богатый человѣкъ, при чемъ показалъ ему всѣ свои банковые билеты, болѣе нежели на 83-ри т. руб. ассигнаціями. Весьма естественно, что Еврей, по своей природной жадности къ деньгамъ, возъимѣлъ сильное намѣреніе пріобрѣсть его капиталъ, для чего предлагалъ ему купить имѣвшіеся у него векселя, на сумму болѣе нежели 150 т. рубл. ассигнац.; но какъ тотъ, не бывъ знакомъ съ исковою частію и, не желая промѣнять вѣрное на невѣрное, на отрѣзъ отказалъ, то Еврею это видимо не понравилось; по чему онъ задумалъ повести противъ него атаку другимъ способомъ. За тѣмъ Винницкій дошелъ до его дома, довольно большаго, по тогдашней постройкѣ въ г. Херсонѣ. Взойдя съ нимъ во второй этажъ, гдѣ встрѣтили ихъ жена и дочь его, взрослая молодая дѣвушка; Еврей для сдѣланія расчета въ процентахъ, попросилъ его нѣсколько подождать, и удалился въ другія комнаты; но не прошло и четверти часа, какъ вдругъ является въ гостинную уланскій Штабъ-Офицеръ, называя себя ремонтёромъ, только что прибывшимъ въ г. Херсонъ и отыскивающимъ приличную себѣ квартиру: осматриваясь вокругъ, быстро подошелъ къ нему съ вопросомъ: «Кто онъ такой и откуда?» Показавъ при этомъ ему билетъ, данный имъ Еврею для размѣна, спросилъ: «Его ли это?» Само сомою раз-

умѣется, что эта выходка чрезвычайно его поразила, и онъ, ни мало не потерявшись и не смѣшавшись, отвѣчалъ утвердительно, на прочіе же вопросы не далъ ему ни какого отвѣта. Еврей же болѣе уже не являлся. А уланъ объявилъ ему, что онъ Полиціймейстеръ г. Херсона и приглашалъ его въ Полицейское Управленіе, спрашивая, не имѣетъ ли онъ еще другихъ подобныхъ билетовъ и какихъ либо бумагъ? на что тотъ не счелъ нужнымъ отвѣчать ему. Между тѣмъ, какъ все это происходило, на порогѣ этой комнаты незамѣтно появился и Квартальный Надзиратель съ нижними Полицейскими служителями, а уланъ-Полиціймейстеръ продолжалъ настаивать приглашать его въ Управленіе Полиціи, и Винницкій, какъ правый и уступая силѣ, пошелъ съ нимъ туда, гдѣ, за Зерцаломъ, уланъ по прежнему подтвердилъ ему, что онъ Полиціймейстеръ г. Херсона, Полковникъ Лобасевичъ, и настоятельно просилъ его показать ему всѣ имѣвшіеся при немъ банковые билеты и бумаги, что тотъ безъ всякаго опасенія и исполнилъ, вынувъ ихъ изъ боковаго кармана своего сюртука, а съ ними аттестатъ о своей службѣ, послѣдняго мѣста служенія своего Отдѣленія Духовныхъ Дѣлъ Греко-Россійскаго Исповѣданія. Лобасевичъ, увидя тѣ билеты его на столь значительную сумму, какъ выше сказано, былъ чрезвычайно удивленъ, что онъ при молодыхъ лѣтахъ имѣетъ такой капиталъ; за тѣмъ спросилъ его: «Откуда онъ пріобрѣлъ такое состояніе?» и съ тѣмъ вмѣстѣ видимо заронилась у него злая мысль, признавъ для этого, какъ казалось, соотвѣтственнымъ, по его понятіямъ, недавній случай, бывшій въ Херсонѣ, что какой-то аферистъ, посѣтившій этотъ городъ, обманулъ многихъ жителей его подъ разными видами, а Винницкій какъ будто нарочно подъѣхалъ въ слѣдъ за нимъ. А какъ Винницкій отвѣчалъ ему насмѣшливо, то Лобасевичъ сдѣлалъ придирку, за чѣмъ онъ размѣнивалъ на торгу билетъ. Разсматривая же аттестатъ о службѣ его, усомнился въ подлинности его, назвавъ фальшивымъ, основавшись въ этомъ на томъ только, что нашелъ въ исчисленіи времени прохожденія имъ службы, въ цыфрѣ 8 хвостикъ, который въ сущности былъ не что иное, какъ росчеркъ писца, писавшаго его; по чему сталъ предлагать ему неумѣстные вопросы: «За чѣмъ онъ появился въ г. Херсонѣ, откуда, за чѣмъ и куда ѣдетъ?» и въ слѣдъ за тѣмъ отобралъ отъ него всѣ банковые билеты, аттестатъ, послалъ на квартиру взять чемоданъ его и задержалъ оный при Полицейскомъ Управленіи.

Пока все это происходило, незамѣтно появился тутъ Штабъ-Офицеръ Корпуса Жандармовъ, Полковникъ Ожигинъ, который, отведя Винницкаго въ особую комнату, сталъ спрашивать о томъ же, что и Лобасевичъ, на что тотъ отвѣчалъ ему, что состояніе его есть наслѣдственное и что онъ недавно оставилъ службу, въ чемъ свидѣтельствуется аттестатомъ своимъ. За тѣмъ Ожигинъ присовокупилъ: «Не Полякъ ли онъ? не похитилъ ли это состояніе у родныхъ, уѣхавъ тайно отъ нихъ? Не ѣдетъ ли изъ Вильны, гдѣ въ 1830-хъ годахъ было волненіе Студентовъ тамошняго Университета, и не принадлежитъ ли и онъ къ числу тамошнихъ возмутителей?» Винницкій на всѣ эти вопросы отвѣчалъ ему отрицательно, прибавивъ, что о безпокойствѣ Студентовъ Виленскаго Университета впервые отъ него слышитъ; но Ожигинъ настойчиво отъ него требовалъ въ этомъ сознанія, а тотъ все таки оставался при справедливомъ своемъ убѣжденіи. По чему Ожигинъ, испытавъ неудачу въ своихъ гадательныхъ заключеніяхъ о немъ и, такъ какъ онъ не просилъ его защиты себѣ, остался примѣтно недоволенъ имъ; возвратясь же вмѣстѣ въ Присутствіе Полицейскаго Управленія, съ сердцемъ сказалъ, обратясь къ Лобасевичу: «Арестовать его и предложить ему по формѣ письменные вопросы,» и за тѣмъ немедленно удалился. Лобасевичъ, въ слѣдствіе этого, пригласилъ Письмоводителя Полиціи написать вопросные пункты, который, составивъ ихъ, предложилъ Винницкому написать на оные отвѣты; въ вопросахъ же исключительно настаивали и добивались все одного и того же, что сказано выше. Этотъ послѣдній, удивленный такими неосновательными и неумѣстными требованіями ихъ, естественно пришелъ на всѣхъ ихъ въ негодованіе, и съ желчью письменно отвѣчалъ на ихъ вопросы насмѣшливо—стихами!

Послѣ этого отвели его тамъ же, въ особую комнату, къ дверямъ косой, по приказанію Ожигина, приставлены были два жандарма съ скрещенными обнаженными палашами, которые и сопровождали его такъ, когда нужно ему было куда либо выйти.

Тутъ онъ переночевалъ, а на другой день, въ полдень, Лобасевичъ, повезъ его на своихъ дрожкахъ въ Губернское Правленіе, гдѣ собраны были всѣ Члены всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ Присутственныхъ Мѣстъ, и въ числѣ ихъ Предсѣдатель Врачебной Управы съ Членами, всѣ возсѣдавшіе за огромнымъ сто-

ломъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, а во главѣ ихъ находился тамошній Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ганскау, который и представилъ его Присутствію.

Губернаторъ и нѣкоторые Члены повторили ему на словахъ тѣ же вопросы, что и Лобасевичъ, и онъ отвѣчалъ имъ одно и то же, выпустивъ изъ виду, по молодости и неопытности своей, что здѣсь онъ имѣлъ для себя защитника въ лицѣ Губернскаго Прокурора, къ которому ему слѣдовало обратиться въ этомъ непріятномъ для него случаѣ. Они же, въ слѣдствіе однообразныхъ отвѣтовъ его, остались недовольны, при чемъ исключительно настаивали на одномъ обстоятельствѣ: «За чѣмъ, де, онъ размѣнивалъ у Еврея свой именной Банковый билетъ?» утверждаясь въ мысли, что онъ вовсе не то лицо, которое значится въ аттестатѣ, а похититель чужой собственности, да и самый аттестатъ есть, де, чужой. За тѣмъ повели его къ мѣрѣ, и вымѣряли его ростъ.

Послѣ этого Лобасевичъ, пригласивъ его ѣхать съ собою, привезъ въ тамошній тюремный замокъ, гдѣ и содержался онъ, какъ уголовный, опасный, важный преступникъ, болѣе девяти мѣсяцевъ, на самобѣднѣйшемъ суточномъ содержаніи, ѣлъ все сухое, не имѣвъ ни одного раза горячей пищи, помѣщаясь одинъ въ казаматѣ, всегда подъ запоромъ, лишенный, для развлеченія и утѣшенія, книгъ; изъ окна его жилища не видно было даже свода небеснаго, но только одна бѣлая высокая стѣна каменнаго забора.

Изъ этого само собою разумѣется, что такимъ ужаснымъ и безчеловѣчнымъ стѣсненіемъ Винницкаго, имѣлось въ виду, вѣроятно, что онъ, по молодости лѣтъ своихъ, не перенесетъ тяжелаго, ужаснаго истязанія ихъ надъ нимъ, но можетъ лишить себя жизни, либо же сойдетъ съ ума, или же, какъ говорится, нечувствительно угаснетъ, зачахнетъ и умретъ въ продолжительное время содержанія своего въ тюремномъ замкѣ. Но какъ разочаровались они, когда увидѣли, что онъ ни мало не упалъ духомъ, а, съ твердой увѣренностію въ чистотѣ своей, принялся дѣйствовать противъ нихъ, пославъ письмо къ послѣднему начальнику своему, хорошо и коротко его знавшему, тогдашнему Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Тайному Совѣтнику С. Д. Нечаеву, въ которомъ описалъ яркими красками этотъ несчастный случай съ нимъ и всѣ дѣйствія Губернскаго Начальства, въ слѣдствіе чего Г. Нечаевъ немедленно отнесся къ Губернатору Ганскау, раз-

увѣрьвъ его и все Губернское Начальство въ ошибочности и ложности ихъ заключеній о немъ, и при томъ, съ замѣчаніемъ имъ, что: «увольняемому отъ службы чиновнику выдается только одинъ аттестатъ, и не требуется ничего болѣе.»

Тогда-то освободили его и отдали ему чемоданъ съ платьемъ и другими вещами, но банковыхъ билетовъ и аттестата не возвратили, опасаясь (заключая изъ бумагъ его и долговыхъ документовъ ему разныхъ значительныхъ лицъ), что онъ, имѣя большія знакомства въ Петербургѣ, съ полученіемъ капитала и своего документа, не завелъ бы съ ними большаго дѣла; а, чтобъ вовсе избавиться отъ такого, по ихъ мнѣнію, проходимца, да при томъ и совѣсть говорила противъ ихъ, равно и городская молва громко и сильно объ ихъ несправедливомъ поступкѣ противъ него, распорядились, списавшись съ Окружнымъ Генераломъ Корпуса Жандармовъ, Ноженомъ, отправить его, не извѣстно на какомъ основаніи, въ Петербургъ, не въ родѣ арестанта, но съ жандармомъ и на его же счетъ, гдѣ и сдать въ Управу Благочинія. Во исполненіе чего, Губернское Начальство, взявъ одинъ изъ мелкихъ билетовъ его С.-Петербургской Сохранной Казны въ 500 руб. ассигнац. и, размѣнявъ его, деньги эти дало на руки жандарму, съ шнуровою тетрадью на записку прогоновъ на курьерскую тройку и за продовольствіе его въ пути. Его везли безостановочно день и ночь, а кормилъ жандармъ весьма скудно и ни одного разу въ дорогѣ не напоилъ его чаемъ; капиталъ же, аттестатъ и другія бумаги, вмѣстѣ съ дѣломъ о немъ, препровождены въ С.-Петербургскую Управу Благочинія.

Такъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, поздно вечеромъ, и, такъ сказать, брошенъ въ общую арестантскую Управы Благочинія, гдѣ находился три дня, потомъ былъ приглашенъ въ Присутствіе Управы, члены коей, конечно, немало были удивлены самоуправствомъ Херсонской администраціи.

Но и тутъ не обошлось безъ непріятностей и безъ неудовольствій: такъ какъ Стряпчій Управы медлилъ пропустить журналъ о выдачѣ Винницкому всего достоянія его, ожидая, безъ сомнѣнія, отъ него, прежде всего, за то благодарности, то по этому онъ жаловался на Стряпчаго бывшему тогда Шефу Корпуса Жандармовъ, Генералъ-Адъютанту Графу Бенкендорфу, который, чрезъ сношеніе съ тогдашнимъ С.-Петербургскимъ Оберъ-Полиціймейстеромъ, Генераломъ Кокошкинымъ, приказалъ выдать ему капиталъ, аттестатъ и всѣ бумаги его.

Но продолжительное содержаніе его въ Херсонскомъ тюремномъ замкѣ съ его послѣдствіями сильно повліяло на его, и онъ сдѣлался несчастливъ: измѣнился совершенно въ характерѣ, впалъ въ равнодушіе ко всему (апатію), и потерялъ все состояніе свое.

XIV.

Удивительная, загадочная и непонятная личность.

Въ концѣ 1820-хъ и 1830-хъ годовъ проживала въ Петербургѣ весьма вредная личность, особенно для молодыхъ людей: то былъ самый искуснѣйшій изъ бильярдныхъ игроковъ, обыгрывавшій своихъ жертвъ на большія тысячи рублей, не только не уступавшій въ искусствѣ игры извѣстному маркёру «Тюрѣ», но въ умѣньи местифироваться, маскироваться и держать себя барином, одѣваясь всегда отлично и имѣя богатую и хорошо убранную квартиру, болѣе выигрывалъ и даже превосходилъ его. Онъ называлъ себя Фридрихсгамскимъ первостатейнымъ купцомъ, по происхожденію былъ яко бы Бѣлевскимъ мѣщаниномъ, Алексѣемъ Герасимовымъ Долгашовымъ, но въ послѣдствіи жилъ подъ названіемъ С-Петербургскаго 1-й гильдіи купца, во всѣхъ же ресторанахъ, гостинницахъ и трактирахъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Смоленскаго».

При такой мистификаціи, иногда проявлялось въ немъ хорошее знаніе Нѣмецкаго языка, на которомъ онъ объяснялся свободно; но это знаніе онъ тщательно скрывалъ, а всего болѣе поражали странныя, но случайно вырывавшіяся у него, выходки: такъ онъ въ просонкахъ командовалъ подобно полковому командиру, а на обѣихъ ногахъ его, на щиколоткахъ, были глубокіе слѣды оковъ.

И такъ, по всѣмъ этимъ даннымъ, его ни какъ нельзя понимать тѣмъ, кѣмъ онъ всячески старался представлять и выдавать себя: это не былъ ни мѣщанинъ, ни купецъ и вообще не простолюдинъ. Это была личность весьма загадочная, таинственная, непонятная. А и того болѣе должно было считать его такимъ по тому, что онъ имѣлъ большія знакомства: такъ къ нему хаживали очень часто и дружили съ нимъ: Командиръ всей Морской

артиллеріи въ г. Кронштадтѣ, полный Генералъ Смирницкій, и Инспекторъ тамошней артиллеріи, Генералъ-Лейтенантъ Примо, у которыхъ онъ бралъ, для представленія въ залогъ на взятіе съ публичныхъ торговъ по питейнымъ откупамъ городковъ въ Польскихъ Губерніяхъ, ломбардные билеты на сумму около 80 тысячь рублей ассигнаціями, и возвратилъ ихъ имъ исправно.

Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ характерѣ его были рѣзкія, крайне выдающіяся, противоположности: онъ не пренебрегалъ никакими незаконными средствами: такъ, въ лѣтнее время привозили къ нему въ квартиру контрабанду, при вскрытіи коей онъ бралъ себѣ какую ни будь хорошую вещь, и за тѣмъ отправлялъ контрабанду по назначенію; а въ послѣдствіи выманилъ на равную сумму, что у Гг. Смирницкаго и Примо, у Полковника Морской Артиллеріи С. З. Остапова и Дежурнаго Штабъ-Офицера Морскаго Штаба Веселаго, также, будто бы, для названной операціи, и, обманувъ ихъ, разыгралъ роль несчастнаго банкрота.

Такъ, въ теченіи своего болѣе полутора десятка лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, Долгашовъ обманулъ и обыгралъ многихъ, богатыхъ и посредственныхъ: но есть одно чрезвычайно важное и замѣчательное происшествіе, сбывшееся тамъ, между тѣмъ никѣмъ не раскрытое и оставшееся до сихъ поръ покрытое мракомъ неизвѣстности, которое, въ свое время, надѣлало много шума, подавало поводъ долгое время къ разговорамъ въ лучшихъ домахъ столицы, и въ которомъ онъ былъ непосредственнымъ дѣятелемъ, а, разыгравъ его весьма искусно и удачно, остался, такъ сказать, въ сторонѣ, незамѣченный.

Это было въ 1835 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, предъ выступленіемъ изъ лагеря Гвардейскаго Корпуса. Какой-то молодой человѣкъ, прекрасно одѣтый, пріѣхавъ съ лихачомъ извощикомъ на Никольскій рынокъ, къ извѣстному тогда мѣняйлѣ Яковлеву, назвалъ себя Управляющимъ Корпуснаго Командира Гвардейскаго Корпуса, Генерала Бистрома, объявляя ему, что его господину нужно ассигнацій на 80 тыс. рублей, въ обмѣнъ на эту сумму, имѣющихся у Генерала, серебряныхъ денегъ, прося, чтобъ Яковлевъ привезъ ихъ въ такіе-то часы того дня на квартиру его, находящуюся въ домѣ, бывшемъ Брискорна, а въ настоящее время Хрущова, что на Англійской Набережной. Мѣняйла, вмѣстѣ съ другимъ, завязавъ въ чайную салфетку названную сумму, отпра-

правился въ назначенные часы туда. Квартира въ этомъ домѣ, дѣйствительно, не задолго до этого происшествія, была нанята сказаннымъ молодымъ человѣкомъ на имя Генерала Бистрома и далъ задатокъ, въ которую онъ привезъ мебели на двѣ, или на три, комнаты и меблировалъ ее съ чернаго хода. Яковлевъ, съ товарищемъ своимъ, прибывъ по назначенію, нашли домъ и, не осмѣливаясь войти парадным ходомъ, пошли на задній, въ намѣреніи навѣдаться и дать знать о своемъ прибытіи прислугѣ. Поднявшись на верхъ, на порогѣ отворенной комнаты встрѣтилъ его тотъ самый молодой человѣкъ, что пріѣзжалъ къ нему и, быстро обратившись съ словами, что «Генералъ давно его ожидаетъ и нездоровъ», схватилъ изъ рукъ его салфетку съ ассигнаціями и поспѣшно ввелъ въ квартиру, гдѣ Яковлевъ увидѣлъ на полу много мѣшковъ, правильно сложенныхъ одинъ на другой, изъ которыхъ молодой человѣкъ, взявъ одинъ и высыпавъ изъ него, какъ бы на удачу, весьма много серебряныхъ рублей, поручилъ ему считать ихъ и продолжать пересчитывать слѣдующія, находящіяся въ прочихъ мѣшкахъ деньги, до послѣдняго, а между тѣмъ самъ ушелъ въ сосѣднюю комнату, считать, вмѣстѣ съ Генераломъ, ассигнаціи, откуда дѣйствительно былъ слышенъ разговоръ двухъ человѣкъ, умолкшій чрезъ нѣкоторое время. Яковлевъ, пересчитавъ данную ему сумму, взялъ другой мѣшокъ, развязалъ его, но, къ удивленію своему, увидѣлъ въ немъ одни только кремни, и сколько ни трудился надъ развязываніемъ и разсматриваніемъ другихъ остальныхъ, находилъ въ нихъ все такіе же камышки.

Озадаченный этою продѣлкой, онъ пошелъ въ ту комнату, въ которую скрылся молодой человѣкъ съ его ассигнаціями, но не нашелъ тамъ никого, а увидѣлъ, что это были пустыя, не меблированныя парадныя комнаты, съ ходомъ на улицу, который былъ отворенъ. Возвратясь назадъ, взялъ мѣшокъ со считанными имъ деньгами, на которыя онъ такъ несчастливо и забавно обмѣнялъ свои 80 тыс. рублей ассигнаціями, спустился въ низъ на дворъ, обратился къ домовому дворнику съ вопросомъ: «Кто нанимаетъ эту квартиру?» и узналъ, что квартира нанята, нѣсколько дней назадъ, дѣйствительно на имя Генерала Бистрома, полученъ задатокъ и привезена частію мебель, но что онъ самъ не пріѣзжалъ еще изъ лагеря и не показывался въ оной, а кто такой молодой человѣкъ, ему не извѣстно.

Тогда-то Яковлевъ, понявъ хитрый и ловкій обманъ, обра-

тился съ объявленіемъ объ этомъ случаѣ къ бывшему тогда Оберъ-Полиціймейстеру, Генералу Кокошкину, но сколько ни разыскивали этого мошенника, онъ, какъ говорится, словно канулъ въ воду, и исчезъ. Осталось только одно объявленіе о немъ въ С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ. А въ домахъ столицы, какъ обыкновенно водится, сначала долго говорили объ этомъ происшествіи, потомъ замолкли, а далѣе и совсѣмъ забыли объ немъ.

А зимою того года Долгашовъ, однажды поздно вечеромъ, нанявъ четвероместную ямскую карету съѣздить повеселиться въ Царское Село, взялъ съ собою любимицу свою, чиновницу А. А. Пирогову, и, пригласивъ для компаніи Г. Винницкаго и отставнаго кирасирскаго Поручика, помѣщика Александра Яновскаго, * отправился въ четверомъ туда и, прибывъ, остановился тамъ въ лучшей гостинницѣ. Войдя въ бильярдную комнату, Долгашовъ потребовалъ для всѣхъ чаю, и пока пили его безъ него (такъ какъ онъ въ это время куда-то вышелъ), не прошло и получаса, какъ онъ влетаетъ въ эту комнату съ огромнымъ узломъ старой красной салфетки и, развязавъ его, сталъ выбрасывать на бильярдъ множество пачекъ ассигнацій различнаго достоинства, говоря, что это онъ выигралъ у одного Графа, и просилъ названныхъ своихъ спутниковъ пересчитать всю сумму, чѣмъ они и занялись, и по пересчетѣ оказалось какъ разъ 80 тысячъ руб. ассигнаціями.

Долгашовъ, уложивъ и увязавъ ихъ по прежнему въ ту же салфетку, немедленно отправился съ тѣми же приглашенными обратно въ Петербургъ, куда прибывъ, вскорѣ всѣ легли спать, а на другой день онъ задалъ великолѣпный пиръ, на которомъ были названные выше Генералы: Смирницкій и Примо, Адъютантъ перваго, другъ и пріятель Долгашова, Лодыгинъ, и многіе Морскіе Офицеры.

Если это чудное дѣло Долгашова, по чрезвычайно разительному сходству своему съ происшествіемъ мѣняйла Яковлева, оставлено было безъ вниманія и не оглашено Винницкимъ и Яновскимъ, то это весьма неудивительно, такъ какъ первый былъ весьма удрученъ своими несчастіями и не могъ слѣдить за посторонними дѣлами, а второй былъ вѣрный поклонникъ Долгашова.

---

* Жена котораго была главною виновницей, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, отставнымъ Поручикомъ Виссаріономъ, убійства своего отца, Курскаго помѣщика Оловенкова, въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ.

XV.

Крутая мѣра, употребленная противъ неповиновенія крестьянъ, и послѣдствія ея.

Въ Кизлярскомъ Уѣздѣ Ставропольской Губерніи, въ 1850 году, разыгралась чрезвычайно кровавая драма.

Помѣщикъ этого Уѣзда, отставной лейбъ-гвардіи Уланскаго полка Ротмистръ Калантаровъ, владѣя имѣніемъ, въ числѣ тысячи душъ, имѣлъ двухъ братьевъ, не пользовавшихся, по званію своему, правомъ на владѣніе этимъ имѣніемъ, между тѣмъ желавшихъ по этой, или по какой-либо другой, причинѣ, раздѣлиться съ нимъ и получить отъ него каждый, за свою часть, деньги. Исполняя это, Калантаровъ, не желая продавать имѣнія, наложилъ на крестьянъ большій противъ прежняго оброкъ и умножилъ работы столь обременительныя, что они отказались отъ выполненія, съ угрозою, что вовсе не хотятъ повиноваться ему, что пусть лучше обратятъ ихъ въ казну и, чтобъ онъ выѣхалъ изъ имѣнія и никогда не показывался въ немъ, а то убьютъ его. Въ такомъ положеніи дѣла онъ обратился съ жалобой къ бывшему тогда Командующему войсками на Кавказской Линіи и Черноморіи и Управляющему также гражданскою частію, Генералъ-Лейтенанту Завадовскому, прося его защиты, усмиренія непокорныхъ и приведенія ихъ въ повиновеніе ему. Въ слѣдствіе сего Генералъ этотъ, призвавъ тогдашняго Начальника Ставропольской Губерніи, Генералъ-Маіора Волоцкаго, приказалъ ему взять значительное число Линѣйныхъ Казаковъ и артиллерію, расположенную въ верстахъ двадцати отъ Ставрополя, въ селеніи Пелагіадѣ, отправиться съ ними въ имѣніе помѣщика Калантарова и, въ случаѣ сопротивленія крестьянъ повиноваться помѣщику и ослушанія высшей власти, командированной для убѣжденія ихъ «признавать власть своего господина», употребить вооруженную силу, однимъ словомъ— стрѣлять въ нихъ. Но Генералъ Завадовскій, посылая туда Губернатора, схитрилъ: не далъ ему на этотъ предметъ предписанія, ограничиваясь словеснымъ приказаніемъ, а Волоцкой, зная суровый и строптивый характеръ его, не рѣшился напомнить ему объ этомъ, тѣмъ болѣе, что это было дѣло спѣшное. Взявъ Казаковъ и артиллерію, Волоцкой отправился и, прибывъ къ возмутившимся крестьянамъ, занявшимъ площадь, на которой стояла сельская церковь, съ оградою вокругъ ея, окружилъ ее, гдѣ стоявшіе сильно

волновались, шумѣли и кричали. Волоцкой, войдя въ ограду и ставъ посреди ихъ, уговаривалъ прекратить возмущеніе, разойтись и повиноваться своему помѣщику, но никакія кроткія мѣры не имѣли успѣха, а по тому онъ, выйдя отъ нихъ, послалъ въ среду ихъ Казаковъ, желая смять и разсѣять; крестьяне же, въ отвѣтъ на это, стали бросать въ Казаковъ камни и дубье и многихъ поранили. Губернаторъ, видя безуспѣшность этой мѣры, приказалъ стрѣлять по нимъ изъ ружей холостыми зарядами; но и этотъ способъ былъ неуспѣшенъ: крестьяне продолжали дѣлать то же, что и противъ Казаковъ, а по тому тотъ велѣлъ стрѣлять противъ нихъ боевыми зарядами и, убивъ на мѣстѣ около двухъ сотъ человѣкъ, привелъ этою мѣрой въ повиновеніе ихъ, и возвратился въ Ставрополь къ Завадовскому съ донесеніемъ объ исправномъ исполненіи своего порученія, чѣмъ тотъ и остался доволенъ.

Но помѣщикъ Калантаровъ вскорѣ явился къ Командующему Завадовскому съ жалобой на многое число убитыхъ крестьянъ его, прибавляя, что онъ будетъ безпокоить за такую жестокую мѣру Государя, а тотъ отвѣчалъ ему, что это все сдѣлалъ Губернаторъ безъ его приказанія, по чему онъ жаловался бы на него. За тѣмъ, призвавъ Волоцкаго, потребовалъ отъ него объясненія, какъ бы въ самоуправномъ распоряженіи, но этотъ сослался на словесное его приказаніе: однако Завадовскій отрекся отъ этого, возразивъ ему, что онъ не давалъ ему письменнаго приказанія, чѣмъ и поставилъ его въ отвѣтственное положеніе. Губернаторъ, испросивъ отпускъ, отправился въ Тифлисъ и, явясь тамъ къ Намѣстнику, Князю Воронцову, доложилъ ему объ этомъ случаѣ, разсказавъ все, какъ было, а Князь, взявъ его подъ свою защиту, признавъ его справедливость, донеся объ этомъ происшествіи Императору, и тѣмъ только Генералъ Волоцкой отдѣлался отъ непріятностей.

Ѳ. Н. Виницкій.